МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ.

К. Корегина.

Нижній-Новгородъ.
Типографія газеты „Волгарь“.
1901.

Отъ Московскаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 8 января 1901 г.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. О жизни въ расколѣ и замѣчанія о службахъ въ Городецкой часовнѣ 1.

II. О Городецкихъ бѣглыхъ попахъ 28.

III. Еще нѣсколько словъ къ бывшимъ собратіямъ моимъ старообрядцамъ 39.

IV. Еще мои воспоминанія о жизни въ расколѣ и замѣчанія о службахъ въ Городецкой часовнѣ . . . . . 60.

V. Замѣтка по поводу «отвѣта» г. Голубинскаго Г. Виноградову . . . . 109.

О жизни въ расколѣ и замѣчанія о службахъ въ городецкой часовнѣ.

I.

Воспоминанія о дѣтствѣ и первоначальномъ ученіи.—Пріѣздъ попа Димитрія Бѣляева.—Поступленіе на службу къ часовнѣ.—Толки часовенныхъ о попѣ Дмитріѣ.—Знакомство и бесѣды съ поморцемъ.—Начало сомнѣній о старообрядчествѣ.—Бесѣды миссіонера.—Женитьба.—Новыя сомнѣнія относительно бѣглопоповства.—Переходъ въ австрійскую секту.

Проведя большую половину моей жизни въ расколѣ и болѣе 11 лѣтъ отправляя службы сначала въ Городецкой старообрядческой бѣглопоповщинской часовнѣ, потомъ при Австрійскомъ лжепопѣ, давно желалъ я описать мою жизнь въ расколѣ и изложить мои наблюденія надъ раскольническими службами; но долго колебался приступить къ этому труду: было опасеніе, какъ бы недоброжелатели мои не нашли въ этомъ какого-либо съ моей стороны самовосхваленія, хотя, скажу по совѣсти, мною руководитъ единственно желаніе принести душевную пользу самимъ же старообрядцамъ,—мнѣ именно хотѣлось бы об-

личеніемъ, совершающихся у нихъ отступленій даже отъ уставовъ, изложенныхъ въ уважаемыхъ ими старопечатныхъ книгахъ, показать имъ, что напрасно они хвалятся точнымъ исполненіемъ сихъ уставовъ и напрасно осуждаютъ православную церковь за мнимое ихъ нарушеніе, а потому напрасно и отдѣляются отъ церкви. И такъ долго колебался я, писать ли мои воспоминанія; но, наконецъ, совѣты, уважаемыхъ мною лицъ, преодолѣли мои опасенія,—и вотъ я предлагаю читателямъ мой безпристрастный и откровенный разсказъ.

Родился я въ 1856 году. Родители мои были старообрядцы, послѣдователи Городецкой бѣглопоповщинской часовни. Въ то время ни въ Городцѣ, ни въ окрестности бѣглыхъ поповъ не было: поэтому мои родители жили не вѣнчанными, а только по родительскому благословенію. И я крещенъ былъ старикомъ, уставщикомъ Городецкой часовни, Лаврентіемъ. Семи лѣтъ отдали меня учиться грамотѣ въ деревню Никольско-Погостинскій приходъ, къ монахинѣ Анфисѣ и келейной ея дѣвкѣ-послушницѣ. Монахиня эта жила подъ покровительствомъ одного старообрядца, у него во дворѣ, въ особой кельѣ, при порядочной моленной, гдѣ она и правила по уставу службы. Она же обучала и дѣтей: ко-

торыя изъ нихъ способны были къ пѣнію, тѣхъ пріучала пѣть всенощныя и панихиды. Сюда-то я и былъ отвезенъ родителями для наученія всей этой премудрости. А отдали они меня этой учительницѣ потому, что покровителемъ ея былъ моей родительницы родственникъ. Грамотѣ я обучился очень скоро, такъ что недѣль черезъ 9 или 10 меня уже заставляли читать при службѣ.

Однако обученіе мое у монахини продолжалось недолго. Вслѣдствіе стѣснительныхъ семейныхъ обстоятельствъ, по причинѣ раздѣла съ своимъ родителемъ, а моимъ дѣдомъ, родители мои впали въ бѣдность и имъ уже было не до моего образованія. Такъ и остался я только умѣющимъ читать Псалтирь; потомъ нѣсколько научился скорописному письму у одного старика. Жили мы въ Городцѣ не очень далеко отъ раскольнической часовни: сюда все наше семейство ходило молиться еженедѣльно, и я также ходилъ охотно, становился на клиросъ, и мнѣ иногда давали что и прочитать. Тогда, будучи малолѣтнимъ, я слышалъ, какъ мои родители толковали объ антихристѣ. Дѣло въ томъ, что старшій братъ моего отца, дядя мой, ушелъ потихоньку въ странство, оставивъ молодую жену и троихъ дѣтей, а предъ уходомъ читалъ имъ изъ лицевого семитолковаго Апокалипсиса о послѣднемъ времени. Припоминаю,—какъ-то разъ

разсуждали мои родители, что вотъ-де скоро будетъ свѣту представленіе, время уже послѣднее, а мы вотъ живемъ не вѣнчаны, значитъ и дѣти наши незаконнорожденные,— одно только остается теперь—оставить міръ и бѣжать въ пустыню. Однако этого намѣренія не осуществили мои родители, потому что въ скоромъ времени (около 1865 г.) пріѣхалъ въ Городецъ изъ Москвы бѣглый попъ Димитрій Бѣляевъ. Родители, должно быть, поняли изъ этого, что благочестіе не совсѣмъ еще погибло, и повезли меня къ попу Димитрію для совершенія моего крещенія, совершеннаго старикомъ. Это они сдѣлали впрочемъ потому, что одинъ родственникъ, имѣвшій на нихъ вліяніе, у котораго и находился попъ, велѣлъ имъ привезти дѣтей, чтобы довершить крещеніе; сами же они у попа Димитрія не вѣнчались.

Въ 1871 году, по случаю недостатка въ часовнѣ прислуживающихъ мальчиковъ, изъ сострадательности ко мнѣ, какъ мальчику бѣдному, предложено было мнѣ, не хочу-ли я идти въ часовню жить. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ, и я съ готовностью принялъ предложеніе; родители тоже изъявили согласіе,—и вотъ я переселился жить въ ограду Городецкой часовни, вмѣстѣ съ часовенными дьячками, и началъ здѣсъ обучаться крюковому пѣнію и всѣмъ порядкамъ службы. Чтобы основатель-

нѣе изучить крюковое пѣніе, я сталъ писать крюковыя нотныя книги самоучкой, въ чемъ дѣйствительно и успѣлъ: крюковыя нотныя книги я писалъ съ красивыми заголовками (заставками) по золоту. Впослѣдствіи я обучалъ уже и другихъ крюковому пѣнію и ходилъ пѣть въ дома къ богатымъ прихожанамъ часовни.

По пріѣздѣ къ намъ попа Димитрія Бѣляева изъ Москвы, въ прихожанахъ образовались двѣ партіи: пріемлющіе этого попа, и сомнѣвающіеся въ его законности. Мнѣ приходилось слышать разговоры между тѣми и другими,—ихъ толки и пререканія. Одни говорили: «какое ужъ нынѣ священство! нѣтъ ужъ его»! А другіе имъ отвѣчали: «никакъ безъ священства спастись нельзя! страшны Христовы словеса: *аще не снѣсте плоти сына Человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ*» (Іоанна зач. 23). Непріемлющіе говорили: «да какой же Димитрій попъ! —рукоположенъ отъ обливанца, Черниговскаго епископа Григорія Миткевича *),—носитъ парикъ, ходитъ при часахъ съ цѣпочкой и въ жилеткѣ, живетъ съ наложницами, въ вели-

*) Рѣчь идетъ о Калужскомъ архіепископѣ Григоріи, котораго раскольники, какъ малороса, считали крещеннымъ обливательно; а Бѣляевъ, какъ и многіе изъ бѣглыхъ поповъ, былъ калужанинъ. См. о немъ въ «Брат. Сл» 1884 г т. II, стр. 447 и слѣд.

кій постъ иногда ѣстъ рыбу и пьетъ вино»! А пріемлющіе, дѣлая возраженіе, говорили: «гдѣ-же взять то лучше? вѣдь вы же принимали прежнихъ поповъ! а и тѣ были такіе же»! Сомнѣвающіеся отвѣчали: «Нѣтъ,—прежніе-то развѣ такіе были?—ихъ намъ присылали съ Иргизу, исправленныхъ, наученныхъ строгими старцами, перешедшихъ по усердію отъ ереси, а не за деньги. Какъ привезутъ бывало какого въ монастырь: возьмутъ у него ставленную грамоту и тутъ же сожгутъ, а потомъ его около года учатъ благочестію, и тогда ужъ присылали къ намъ. А теперь этого нѣтъ, да и не кому такъ дѣлать»!

Я тогда сталъ уже почитывать книги; а эти пререканія старшихъ побудили меня и еще усерднѣе заняться чтеніемъ. Я былъ изъ «пріемлющихъ» и у меня явилась охота защитить бѣглопоповство, а безпоповство унизить. Познакомился я съ однимъ поморскимъ начетчикомъ и вступилъ съ нимѣ въ пренія. Онъ былъ лѣтъ на шесть старше меня и болѣе моего начитанъ, поэтому началъ меня преодолѣвать въ спорахъ. Однажды онъ далъ мнѣ Пращицу и велѣлъ посмотрѣть, отъ какихъ еретиковъ мы принимаемъ таинства. Началъ я читать Пращицу,—и не одинъ, а съ тремя товарищами. Читаемъ предисловіе, гдѣ говорится, что къ старообрядцамъ бѣгутъ попы отъ бѣды, или ради денегъ. Этимъ извѣ-

стіемъ мы воспользовались и стали своихъ сомнѣвающихся уличать въ неправдѣ: «вотъ-де вы говорите, что будто бы прежніе попы около 1845—1855 годовъ, переходили къ намъ по убѣжденію, не за деньги; а книга, напечатанная въ 1720 году, свидѣтельствуетъ, что и прежде уже попы переходили къ намъ изъ-за денегъ; значитъ нынѣшніе ничѣмъ не хуже прежнихъ; и если прежнихъ принимали, то надо принимать и нынѣшнихъ». Потомъ прочиталъ я въ Пращицѣ отвѣтъ о поклонахъ, гдѣ есть ссылка на Іоасафовскій уставъ. Уставъ этотъ у насъ былъ; я справился о поклонахъ, и оказалось вѣрно, что въ великій постъ изъ 17 поклоновъ только 4 поклона велѣно класть великіе, а прочіе метанія. Это удивило меня; однако впечатлѣніе осталось слабое. Потомъ меня поморецъ донималъ еще и тѣмъ, что священники наши все дѣйствуютъ безъ воли своего епископа; а безъ воли епископа священникъ творить ничего не можетъ. Вотъ, какъ-то ходили мы въ пасху по домамъ, и въ одномъ домѣ, гдѣ мы пили чай, попалась мнѣ въ руки книга «Вертоградъ духовный» игумена Парѳенія, въ которомъ приводятся и разсматриваются отвѣты Пѣшехонова на вопросы безпоповцевъ. Открылъ я эту книгу на 14 вопросѣ и отвѣтѣ: вижу, что она можетъ мнѣ послужить къ побѣдѣ надъ поморцемъ, и я взялъ на время «Вертоградъ».

Изъ него заучилъ много Пѣшехоновыхъ отвѣтовъ, не читая замѣчаній о. Пароенія, и дѣйствительно поморца сталъ пересиливать, такъ что онъ началъ отъ меня уклоняться. Потомъ я пріобрѣлъ и въ собственность книгу «Вертоградъ». Къ тому времени одинъ изъ вліятельныхъ прихожанъ часовни, короткій знакомый всѣмъ моимъ старшимъ сослуживцамъ, человѣкъ начитанный, Н. П. Б—въ, перешелъ изъ раскола въ православіе, и передъ этимъ написалъ вопросы своему духовному отцу, Бѣляеву, о паденіи греческаго православія, прося дать на нихъ отвѣты. Отвѣтовъ отъ Бѣляева не послѣдовало. Вопросы эти я читалъ, и самъ обращался съ ними ко многимъ въ старообрядчествѣ, спрашивая: что можно отвѣтить на нихъ? Отвѣты мнѣ давали, но все разнорѣчивые, а иные и прямо говорили: «коли началъ объ этомъ изслѣдовать, такъ нечего и жить въ часовнѣ; поди-ка прямо вонъ туда!»—и при этомъ указывали на соборный храмъ. Сослуживцы же начали на меня жаловаться попечителямъ, выставляя меня никоніанствующимъ. Что мнѣ было дѣлать? Я присмирѣлъ, и вопросы, начинавшіе тревожить меня, какъ будто бы предались забвенію.

Въ 1876 году были открыты въ селѣ Городцѣ публичныя собесѣдованія. Бесѣды велъ православный миссіонеръ П. П. Ломакинъ,

перешедшій изъ Австрійщины. Я началъ ходить на бесѣды; но слушая соображалъ: вѣрить-то имъ трудно; вѣдь это все наши! А между тѣмъ все, о чемъ велись бесѣды, я повѣрялъ, читая въ «Вертоградѣ» отвѣты Пѣшехонова. За это еще болѣе стали подозрѣвать меня къ никоніанству.

Тутъ пришло время моей женитьбы. Я рѣшился съѣздить для вѣнчанія въ Москву, къ Бѣляеву. Приверженцы этого попа разсказывали мнѣ очень много объ его якобы благочестивой жизни въ Москвѣ и благолѣпной обстановкѣ,—говорили, что у батюшки весьма много древнихъ иконъ, огромная моленная, богатая церковь, почти ежедневное служеніе, сорокоусты и т. п. А на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то. 23 января 1877 г. пріѣхалъ я въ Москву утромъ, въ 9 часовъ. День былъ воскресный. Я поспѣшилъ за службу къ Бѣляеву. Что же оказалось?—У батюшки ничего нѣтъ,—ни народу, ни службы. Объяснился я съ нимъ объ вѣнчаньи. Въ назначенный день накупилъ свѣчъ порядочное количество и явился къ Бѣляеву: онъ обвѣнчалъ меня въ своемъ хорошо убранномъ залѣ, съ зеркалами, картинами, портретами и люстрами по стѣнамъ. Купленныя мною свѣчи оказались не нужными, потому что въ залѣ была только одна икона въ кіотѣ, да на аналоѣ Евангеліе и крестъ; и самое-то вѣнчаніе было какъ-то

не чинно, при попѣ прислуживалъ только мальчишка лѣтъ 16, несмотря на то, что тутъ присутствовала сама Т. П. Блинова, нижегородская 1-й гильдіи купчиха. Послѣ я подумалъ про себя: «зачѣмъ было и ѣхать столько верстъ? развѣ только поглядѣть его сожительницъ» (двѣ келейныя дѣвицы, составлявшія его штатъ)? Когда я возвратился въ Городецъ, нѣкоторые сослуживцы спрашивали меня: «ну, что,—хороши у батюшки иконы, церковь и моленная»? На всѣ такіе вопросы я отмалчивался, дабы не попасть въ большее подозрѣніе. А между тѣмъ рѣшился уже на болѣе серіозное изслѣдованіе о бѣглопоповствѣ. Тутъ кстати пришлось мнѣ познакомиться съ однимъ послѣдователемъ Австрійской іерархіи, который говорилъ мнѣ о нашихъ бѣглыхъ попахъ, что они, какъ папежники, прощаютъ впередъ грѣхи, живымъ подписываютъ прощальныя грамоты въ родѣ индульгенцій. Опровергнуть его въ этомъ я не могъ, потому что и самъ видѣлъ у одного сослуживца подписанную болѣе 15 лѣтъ назадъ такую грамоту, которую потомъ и положили ему въ гробъ, чему я былъ очевидцемъ. Старшіе мои сослуживцы видѣли во время своего служенія въ часовнѣ и еще хуже: прежде старики наши писали иногда и сами на прощальной грамотѣ имя того, или другого бѣглаго попа, у котораго бывалъ на испо-

вѣди тотъ, для кого грамота подписывалась, и клали покойникамъ такія грамоты въ гробъ; а самого попа можетъ и въ живыхъ уже не было, или опять вернулся въ свой приходъ, или же былъ какой-нибудь обманщикъ. Припомнивъ все это, я долженъ былъ сознаться, что послѣдователь Австрійской іерархіи имѣлъ основаніе обличать бѣглыхъ поповъ, и мнѣ защищать ихъ нельзя. Притомъ же и о самомъ Димитріи Бѣляевѣ я сомнѣвался, чтобы онъ преданъ былъ старообрядчеству; скорѣе примѣтно было, что онъ никакъ не могъ заглушить въ себѣ укоры совѣсти за свое беззаконное уклоненіе въ расколъ и незаконныя священнодѣйствія безъ воли епископа. Это можно было примѣчать изъ того, что на всякой пирушкѣ онъ заставлялъ пѣть и самъ пѣлъ великаго пятка стихиру: «Два лукавства сотвори перворожденный сынъ мой, Израиль: мене остави, источника воды животныя, и ископа себѣ кладенецъ сокрушенный, мене на древѣ распятъ, Варавву же испроси и отпусти. Ужасеся небо о семъ, и солнце лучи скры: ты же, Израилю, не устрашился еси, но смерти мя предалъ еси. Остави имъ, Отче святый, не вѣдятъ бо, что сотвориша». О томъ, что Бѣляевъ любилъ пѣть эту стихиру и теперь близкіе его хорошо помнятъ, и стихиру знаютъ наизусть; но только, думаю, не знаютъ, для чего онъ ее пѣлъ и какой въ этомъ смыслъ.

А я увѣренъ, что оплакивая измѣну Израиля своему Господу, онъ оплакивалъ свою собственную измѣну православной церкви; совѣсть говорила ему, что и онъ два зла сотворилъ: оставилъ источника воды животныя—церковь Христову, и ископалъ себѣ студенецъ сокрушенный—ушелъ въ расколъ.

Все такимъ образомъ, отвращало меня отъ бѣглыхъ поповъ. А тутъ еще случилась у меня непріятность съ попечителемъ часовни, и я рѣшился совсѣмъ оставить и часовню, и бѣглопоповство, перейти къ пріемлющимъ Австрійское священство.

II.

Швецовъ въ Городцѣ.—Бесѣды двухъ слѣпцовъ.—Мой разговоръ съ Шашинымъ и Швецовымъ.—Вопросы о іерархіи.—Поѣздка въ Москву.—Свиданіе съ Аркадіемъ во Владимірѣ.—Обозрѣніе владимірскихъ древностей.—Москва. Рогожское Кладбище и здѣшніе дьячки.—Свиданіе съ о. Павломъ и о. Пафнутіемъ.

Виднымъ защитникомъ Австрійскаго священства въ Городцѣ былъ тогда слѣпецъ М. Ѳ. Яковлевъ. Мы сошлись, и задумали распространить Австрійщину въ Городцѣ, даже водворить ее въ самой часовнѣ Городецкой. Мы написали въ Москву къ Антонію Шутову, чтобы онъ прислалъ къ намъ Швецова для собесѣдованій съ бѣглопоповцами, и помогъ намъ какимъ-нибудь способомъ открыть въ

Городцѣ церковь съ австрійскимъ попомъ. Такъ какъ бѣглыхъ поповъ въ Городцѣ тогда не было, то мы и полагали, что если Антоній дастъ намъ своего попа, дѣло устроится прекрасно. Антоній не замедлилъ прислать своего витію Швецова. Открыли въ одномъ домѣ бесѣду; но бесѣда была не съ бѣглопоповцами, а съ поморцемъ,—тѣмъ самымъ, съ которымъ и я бесѣдовалъ. Тогда Швецовъ показался мнѣ воистину великимъ свѣтиломъ, мужемъ премудрымъ. Въ концѣ бесѣды явился православный священникъ о. Аполлоній Соколовскій пригласить Швецова на публичное собесѣдованіе. Швецовъ согласился; но когда священникъ ушелъ, то объявилъ намъ, что нельзя идти,—сочтутъ за пропагандиста. Вмѣсто о. Соколовскаго Швецовъ имѣлъ бесѣды съ миссіонеромъ П. П. Ламакинымъ. Послѣ этихъ бесѣдъ одинъ, бывшій сослуживецъ мой по часовнѣ, замѣтилъ мнѣ, что напрасно я такъ скоро перешелъ къ австрійскимъ. «Вѣдь ты помнишь,—говорилъ онъ,—что нами было читано въ Працицѣ о бѣглыхъ попахъ,—и тогда, когда писана Працица, они были такіе же, какъ теперь у насъ. Вотъ ты и посуди: могли ли они имѣть св. муро и передавать его одни другимъ, когда они, какъ мы сами видимъ, другъ друга терпѣть не могутъ? А вѣдь такой же бѣглый попъ принялъ и м. Амвросія: какимъ же муромъ онъ перемазалъ

его. Конечно не муромъ, а масломъ». Я отвѣтилъ: намъ говорили попечители, что у насъ есть древнее муро. Недавно мы ѣздили въ деревню Иваново съ о. Михаломъ (мѣщанинъ владимірскій) и у насъ тамъ не хватило мура; тогда мы только дополнили склянку изъ лампады деревяннымъ масломъ, и масло это пошло у насъ за муро: такимъ муромъ, надобно полагать, и бѣглый попъ Іеронимъ перемазывалъ Амвросія. А ты теперь принимаешь священство отъ этого Амвросія»! Непріятно мнѣ было слышать это; однако я очень полагался въ то время на Швецова, запасся его сочиненіями и вмѣстѣ со слѣпцомъ Михаломъ началъ ходить на бесѣды.

Бесѣды происходили со слѣпцомъ же А. Е. Шапинымъ, который перешелъ въ церковь и тогда водворился на жительство въ Городцѣ. На бесѣдахъ, къ великому моему огорченію, мы постоянно терпѣли неудачу,—и я сталъ понимать, что въ Австрійскомъ священствѣ есть что-то неладное. Тогда же одинъ знакомый посовѣтовалъ мнѣ прочитать православное догматическое богословіе митрополита Макарія. Я досталъ эту книгу и прочиталъ; началъ также читать и полемическія книги. Съ этого времени я обратилъ особое вниманіе на то, чтобы рѣшить, изъ-за чего старообрядцы первоначально отдѣлились отъ православной церкви. Основательныхъ причинъ я

не находилъ, и мало-по-малу явилась у меня мысль идти въ православную церковь, отъ которой старообрядцы отдѣлились безъ законной вины. Но такъ какъ родитель мой, примѣтивъ во мнѣ такое намѣреніе, крѣпко вооружился противъ него и говорилъ, что если только я уйду въ церковь, то прогонитъ меня изъ дому съ женою и четырьмя маленькими дѣтьми, то я придумалъ—никуда не ходить, ни въ часовню, ни къ австрійскимъ, а ждать пока умретъ отецъ, и тогда идти въ церковь. О такомъ намѣреніи моемъ я сказалъ А. Е. Шашину, съ которымъ вошелъ тогда въ дружбу. Онъ моего намѣренія не одобрилъ, и разсказалъ мнѣ такой случай. Одинъ австрійскій попъ тоже сознавалъ церковь православною,—не австрійскую, а грекороссійскую; но ради дохода оставался австрійскимъ попомъ. Жилъ онъ отъ православнаго священника всего дома черезъ два или три, и когда ему дѣлали замѣчаніе, что вѣдь ты признаешь православною грекороссійскую церковь, а не свою,—что же не переходишь туда, то онъ на это всегда говорилъ: успѣю,—какъ только почувствую надобность въ священникѣ, тотчасъ за нимъ и пошлю;—вѣдь онъ почти рядомъ живетъ! Но Богъ судилъ иначе: какъ только онъ захворалъ, тотчасъ же сдѣлался безъ языка и померъ безъ покаянія предъ истиннымъ священникомъ, внѣ церкви, кото-

рую и самъ признавалъ истинною. «И много подобныхъ случаевъ встрѣчается, — прибавилъ А. Е. Шашинъ; такъ вотъ и вы бойтесь, чтобы не случилось и съ вами подобнаго» Этотъ его разсказъ на меня подѣйствовалъ весьма сильно и впослѣдствіи способствовалъ мнѣ окончательно оставить расколъ и принять православіе.

А ранѣе этого я съ однимъ вопросомъ обратился къ Швецову. Надобно сказать, что я, считая его человѣкомъ всегда серьезно занятымъ, безпокоить его многими вопросами не рѣшался, притомъ же всегда могъ удовлетворяться его сочиненіями, которыя получалъ, или отъ него лично, или, большею частію, отъ слѣпца Михаила, и думалъ, что если я буду спрашивать его, онъ отвѣтитъ то же, что у него написано. Но въ его сочиненіяхъ не нашелъ я ничего прямо о троеперстіи. Поэтому, воспользовавшись однимъ случаемъ, именно открытіемъ въ Городищѣ церкви Австрійскаго согласія, когда мнѣ пришлось посидѣть со Швецовымъ наединѣ послѣ утрени, я и спросилъ его: почему мы, старообрядцы, такъ ненавидимъ троеперстіе, что даже готовы проклинать его? Швецовъ отвѣтилъ: «Да его и стоитъ проклинать, потому что его выдумалъ самъ діаволъ»! Я съ удивленіемъ спросилъ: какъ же это? Онъ отвѣтилъ: «Вотъ какъ. Завистникъ рода человѣческаго, діаволъ,

не терпя побѣдоноснаго оружія Христова, коимъ христіане наносятъ ему язву, всячески старается отнять его у христіанъ. Но такъ какъ прямо сказать имъ: оставьте почитать крестъ Христовъ, не употребляйте крестнаго знаменія!—ему было нельзя,—ибо кто же изъ христіанъ послушалъ бы такого нечестиваго ученія?—то онъ и прибѣгъ къ хитрости: нашелъ избранный себѣ сосудъ—Никона, и чрезъ него, подъ предлогомъ исправленія, сначала перемѣнилъ двоеперстіе на троеперстіе, а потомъ, уловивъ христіанъ въ эту сѣть, достигъ и того, что шепотники совсѣмъ уже не стали изображать на себѣ креста. Посмотри,—кто изъ нихъ, особенно изъ ученыхъ, правильно изображаетъ на себѣ крестъ? Здѣсь вѣдь что еще!—а посмотрѣлъ бы ты въ Москвѣ: идутъ мимо церкви, даже мужчина, не говоря уже о женщинахъ, не скидаетъ шапки, въ перчаткахъ руку потрясетъ на груди—и только; глядѣть-то на него страшно! И никто изъ нихъ правильно не изображаетъ на себѣ крестнаго знаменія,—и перстовъ не слагаютъ и креста на себя не кладутъ»! Этимъ лукавымъ толкованіемъ Швецовъ сильно меня смутилъ и, признаюсь, успокоилъ оставаться въ расколѣ, такъ что послѣ этого года съ два былъ я вполнѣ преданъ Австрійскому согласію, при Австрійскомъ попѣ началъ даже служить, пересталъ ходить слушать собесѣдованія, — «что ихъ

слушать-то! думаю,—взяли наше оружіе въ свои руки и защищаются! только говорятъ все о церкви, да о Евангеліи, а не говорятъ о томъ, что въ церкви-то ихъ ничего уже церковнаго нѣтъ, и перекреститься не умѣютъ»! Но такъ какъ слѣпецъ Михаилъ имѣлъ страсть вести бесѣды съ православными, а я былъ у него въ качествѣ помощника, отыскивалъ въ книгахъ нужныя ему ссылки и вычитывалъ, то по необходимости приходилось и мнѣ являться на бесѣды. На бесѣдахъ же отъ о. Аполлонія и А. Е. Шашина намъ приходилось терпѣть сильныя обличенія и оставаться безотвѣтными, особенно по вопросу о прекращеніи у насъ іерархіи на 180 лѣтъ. Очень смущало меня, что по вопросу о священствѣ слѣпецъ Михаилъ отвѣчалъ, какъ его научилъ Швецовъ, совсѣмъ разнорѣчиво: съ православными говорилъ какъ безпоповецъ, а съ безпоповцами—какъ православный. Это было ему замѣчено не разъ и православными миссіонерами; но онъ не исправлялся и этимъ далъ мнѣ понять, что онъ мало дорожитъ душевнымъ спасеніемъ, когда открыто и явно противорѣчитъ самъ себѣ въ рѣшеніи одного и того же, чрезвычайно важнаго вопроса: составляли ли старообрядцы, не имѣя 180 лѣтъ епископа, церковь, созданную Господомъ со всею полнотою іерархіи? Этотъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго такъ лукаво велъ себя слѣ-

нецъ Михаилъ, а также вопросы: гдѣ получилъ м. Амвросій благодать Св. Духа вязать и рѣшить—въ греческой церкви, или въ Бѣлой-Криницѣ, при переходѣ въ расколъ? имѣлъ ли право одинъ іеромонахъ принять митрополита и могъ ли преподать ему благодать архіерейства?—эти и подобные вопросы теперь чрезвычайно занимали меня. Въ разрѣшеніе моихъ недоумѣній мнѣ дали еще сочиненіе Швецова: «Исторія древлеправославнаго священства», гдѣ очень много собрано доказательствъ о принятіи отъ еретиковъ освященныхъ лицъ въ томъ же санѣ, и есть указанія, что и священники будто бы принимали отъ заблужденія и примиряли съ церковію епископовъ; но я примѣтилъ тутъ большую разницу противъ того, что было у насъ: тамъ священники дѣйствовали по порученію отъ высшаго духовнаго начальства, а у насъ попъ Іеронимъ дѣйствовалъ по порученію мірянъ и нѣсколькихъ монаховъ. Итакъ новая книжка Швецова немало меня не успокоила. Притомъ же самъ Михаилъ передавалъ мнѣ, что о присутствіи благодати въ грекороссійской церкви у насъ мнѣнія раздѣлялись и что съ Онисимомъ многіе не согласны въ Москвѣ и Казани. Чтобы получить разъясненіе занимавшихъ меня вопросовъ, я рѣшился съѣздить въ Москву, гдѣ хотѣлось притомъ посмотрѣть разные памятники древности. При скудости

средствъ мнѣ трудно было бы это сдѣлать; но тогда же одинъ изъ нашихъ, жаждавшій лицезрѣть нашихъ владыкъ, задумалъ ѣхать въ Москву и вызвался частію помочь мнѣ въ проѣздѣ.

Итакъ мы отправились по Нижегородской желѣзной дорогѣ въ Москву. Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1882 года. По пути остановились въ городѣ Владимірѣ, чтобы посѣтить страдальцевъ—Аркадія и Конона, жившихъ тогда на свободѣ. Прежде пошли къ Аркадію, какъ болѣе извѣстному лицу Австрійской лжеіерархіи. У него, въ его домовой церкви, я посидѣлъ съ нимъ около часу времени. Онъ говорилъ много, но мы одинъ другого совсѣмъ почти не поняли. Такъ онъ съ какимъ-то раздраженіемъ твердилъ: «Мошенники»! вздумали еретиковъ хвалить!» Да и нашъ то Семенъ съ Ларивономъ *) учинили такой раздоръ церковный»!—Потомъ говорилъ кое-что о заточеніи, т. е. о своемъ страданіи. Вся его быстрая, малопонятная болтовня только смутила меня. Думаю: что онъ мнѣ разсказываетъ о какихъ то мошенникахъ и о раздорѣ! Мнѣ совсѣмъ не это было нужно, а хотѣлось знать отъ него, какъ страдальца за древнее благочестіе, который долженъ знать дѣло лучше разныхъ Онисимовъ, за что именно грекорос-

*) Семенъ Семеновъ и Иларіонъ Егоровъ, авторы Окружнаго Посланія.

сійскую церковь мы признали еретическою; но оказалось, что этотъ старикъ въ пелеринѣ не понимаетъ ни православія, ни кривославія, и я уже рѣшился болѣе ни о чемъ его не спрашивать. Больше ради приличія (такъ какъ совѣсть не дозволяла) принялъ отъ него благословеніе и ушелъ; спутникъ же мой, закоренѣлый раскольникъ, да и безграмотный, остался еще посидѣть. Затѣмъ онъ приглашалъ меня и къ Конону, въ другую квартиру; но я отъ этого посѣщенія отказался, предполагая, что и тотъ, пожалуй, болѣе ничего не скажетъ.

Я почелъ за лучшее посѣтить древній Владимірскій соборъ, поклониться великимъ князьямъ, почивающимъ здѣсь въ нетлѣніи, и просить ихъсв. молитвъ о себѣ. Взошли мы въ этотъ величественный и древнѣйшій храмъ, и я встрѣтилъ въ немъ такое благоуханіе, что нигдѣ еще подобнаго не ощущалъ Соборный о. протоіерей (къ сожалѣнію имени его не припомню) *), благословилъ меня рукою св. благовѣрнаго и великаго князя Глѣба; затѣмъ показывалъ достопримѣчательности собора, при чемъ обратилъ наше вниманіе особенно на древнюю живопись, тогда только-что открытую изъ подъ штукатурки: тутъ мы видѣли

*) Это долженъ быть достопочтенный ключарь Владимірскаго Успенскаго собора, о. протоіерей о. Виноградовъ.

четырехконечные кресты, именословное перстосложеніе и проч., что обличало расколъ. Потомъ намъ показывали еще древній соборъ (Дмитріевскій), который весь разукрашенъ снаружи изображеніями изъ царства животныхъ, что тоже далеко не въ духѣ раскола. Къ сожалѣнію спутникъ мой мѣшалъ мнѣ все подробнѣе разсмотрѣть, стараясь завлечь меня поскорѣе къ Конону. Но все таки сходить къ нему не удалось,—поспѣшили ѣхать въ Москву.

Въ Москвѣ я предлагалъ моему спутнику ѣхать къ о. Павлу, въ Никольскій монастырь; а онъ настаивалъ, чтобы къ Онисиму ѣхать. Я долженъ былъ уступить. Поѣхали къ Онисиму, но его не оказалось дома. Тогда мы отправились ко всенощной на знаменитое Рогожское кладбище: это было 20-го числа, подъ праздникъ Владимірской Божіей Матери. За версту до кладбища насъ обогналъ попъ, ѣхавшій по направленію туда же, прямо на Рогожское. Я говорю спутнику, въѣзжая въ ворота: «это, должно быть, попъ единовѣрческій»! Но нѣтъ,—оказалось, что раскольническій, который и служилъ всенощную. Мы разсуждали: вотъ какая въ Москвѣ свобода,—по городу ѣдетъ старообрядческій попъ, какъ россійскій,—въ рясѣ, шляпѣ и съ распущенными волосами! Началась всенощная. Стали мы рядомъ съ клиросомъ, и я началъ тихонько

подпѣвать; но никакъ не могъ поспѣть за пѣвчими. Они слышатъ, что я пѣть могу, и полюбопытствовали, откуда мы. Я сказалъ откуда, и при этомъ замѣтилъ, что очень часто здѣсь поютъ,—казалось бы, куда спѣшить! Дьячки отвѣтили: «здѣсь столица; а васъ тамъ лѣшій научилъ растягать»! Этотъ отзывъ о нашемъ пѣніи, который и спутникъ мой слышалъ, очень смутилъ насъ,—мы чуть было не ушли изъ часовни. Однако остались; только рѣшили больше не любопытствовать о кладбищенскихъ порядкахъ. Я попросилъ, и мнѣ дозволили, почитать канонъ, потомъ и изъ Пролога; но позволили только съ тѣмъ, чтобы за это я купилъ дьячкамъ на рубль вина. Я согласился на это условіе, потому что очень хотѣлось почитать въ такой знаменитой и величественной церкви. Послѣ всенощной дьячки окружили меня и повели, какъ заарестованнаго, на первой же улицѣ въ какой-то трактиръ, гдѣ пришлось мнѣ расплатиться даже съ лихвою. Весь этотъ народъ—рогожскіе дьячки—оказался самый грязный, сквернословцы... Всѣ они (8 человѣкъ ихъ было) шли читать надгробную въ Москву, на смѣну такихъ же веселыхъ товарищей. Одинъ былъ намъ спутникомъ, и я полюбопытствовалъ, когда мы шли втроемъ, спросить его: «какъ же ты теперь, выпивши, придешь въ богатый домъ? да и читать надгробную какъ будешь»?

Онъ сказалъ: «Я вѣдь еще могу; да у насъ и во время чтенія пить водку не запрещено,— даже во всякомъ домѣ обязательно стоитъ графинъ съ водкой и закуска на столѣ для насъ—чтецовъ». Я замѣтилъ, что по нашему мѣсту ничего подобнаго не потерпѣли бы даже у никоніанъ. Дьячекъ сказалъ: «здѣсь, братъ, не деревня, а столица»!—Я спросилъ его еще, откуда онъ и женатъ-ли.—Онъ сказалъ: «изъ Гуслицъ; женатъ; только мы сюда въ Москву женъ не беремъ,—дорого стоитъ ихъ содержать; здѣшнія стоятъ много дешевле». Спутникъ мой, слыша это, только творилъ про себя молитву Іисусову отъ страха, что дѣлается у «христіанъ» въ Москвѣ! Нечего сказать, хороши порядки на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ, говорятъ, до 40 человѣкъ дьячковъ, да и полный штатъ поповъ теперь имѣется!

Наконецъ мой спутникъ согласился посѣтить со мной и Никольскій единовѣрческій монастырь, побывать у о. архимандрита Павла. О. Павелъ принялъ насъ очень благосклонно въ своей кельѣ и занялая съ нами цѣлый вечеръ; разсказалъ намъ о своемъ путешествіи въ св. градъ Іерусалимъ, о гробѣ Господнемъ и о проч. Теперь уже есть печатное описаніе его путешествія, поэтому мнѣ нѣтъ надобности приводить здѣсь его разсказы. Приведу только, что сказалъ онъ въ зак-

люченіе: «Вотъ въ какихъ мѣстахъ Господь привелъ мнѣ быть и вотъ что видѣть,—одного только я не видѣлъ тамъ нигдѣ,—не видалъ ни одного старообрядца и двоеперстника! Старообрядцы поютъ: ненавидящіи Сіона посрамитися отъ Господа; не поютъ ли они это на самихъ себя»? Я передалъ о. Павлу, слышанное отъ Онисима Швецова о троеперстіи, что будто выдумалъ его самъ діаволъ; о. Павелъ подивился такой дерзости Швецова, и сказалъ, что троеперстіемъ исповѣдуется Св. Троица, и троеперстіе было за долго до патріарха Никона. Тутъ же онъ показалъ мнѣ древнеписанное въ 1/4 долю листа житіе преподобнаго Александра Ошевенскаго, и я самъ прочиталъ тутъ, какъ преподобный наказалъ своего ученика въ сновидѣніи, и какъ ученикъ, проснувшись, едва могъ сложить три верхніе перста для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ. Еще о. Павелъ показалъ намъ Евангеліе, напечатанное при патр. Гермогенѣ, гдѣ св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ изображенъ благословляющимъ ученика своего Прохора именословно. Тутъ я понялъ, что Швецовъ есть наглый лжецъ и ругатель. За тѣмъ о. Павелъ объяснилъ намъ, что есть церковь и какую власть имѣетъ іерархія въ управленіи церковью. Болѣе утруждать его вопросами я счелъ уже лишнимъ, потому что были у меня почти всѣ его сочиненія, и мнѣ доста-

точно было видѣть его лично, чтобы удостовѣриться, таковъ-ли онъ, какъ въ своихъ сочиненіяхъ. И я дѣйствительно нашелъ въ немъ ту же простоту, прямоту и искреннѣйшее желаніе душевнаго спасенія всякому, какія видѣлъ и въ его сочиненіяхъ. Уходя отъ него, я подумалъ: вотъ онъ самъ искушенъ былъ этимъ злѣйшимъ врагомъ душевнаго спасенія —расколомъ; потому-то должно быть и посвятилъ всего себя на то, что бы помогать спасенію погибающихъ, притомъ больше по невѣдѣнію, въ безднѣ раскола.

Будучи въ Москвѣ, мы смотрѣли еще очень многіе памятники древности въ кремлевскихъ соборахъ и въ библіотекахъ, свидѣтельствующіе въ защиту употребляемыхъ церковныхъ обрядовъ,—говорить объ нихъ считаю излишнимъ; желающій можетъ прочесть объ нихъ въ «Выпискахъ Озерскаго» (часть 2-я). Потомъ зашли въ Чудовъ монастырь къ іеромонаху Пафнутію. Его нашли мы въ какомъ-то раздраженіи,—онъ сталъ запальчиво поносить восточныхъ патріарховъ, пріѣзжавшихъ въ Москву, якобы они своимъ пріѣздомъ завели у насъ въ Россіи расколъ, будто бы обозвали неприличными словами наши древнерусскіе обряды и обычаи; сильно ругалъ патріарха Никона... Я удивился, почему онъ такъ нападаетъ на православныхъ патріарховъ, самъ живя въ православномъ монастырѣ. Это было

во время всенощнаго бдѣнія въ субботу, и я тоже подумалъ: почему онъ не за службой! При насъ подали ему ужинъ, и намъ показалось—мясной, что еще больше смутило насъ. Я между прочимъ спросилъ его: вотъ россійскіе миссіонеры теперь говорятъ, что у насъ въ Россіи многіе троеперстно молились, и даже есть изъ нихъ святые?—Онъ отвѣтилъ: «ну такъ что же?—ничего не подѣлаешь, если они такъ молились и Богъ ихъ прославилъ»! —Вообще мы вынесли изъ этого свиданія тяжелое впечатлѣніе, и тутъ я припомнилъ, что мнѣ разсказывалъ Михаилъ—слѣпецъ о жизни Пафнутія, какъ онъ былъ еще раскольническимъ епископомъ, много не монашескаго, за что его собирались свои владыки судить. Теперь онъ показался мнѣ точно въ горячкѣ,—такой раздраженный. А послѣ объяснилось въ чемъ дѣло: мы были у него всего за трое сутокъ до его бѣгства за границу, - ему было уже не до спокойныхъ разсужденій съ посѣтителями! Уходя отъ него, я подумалъ также: какая разница между нимъ и о. Павломъ.

О Городецкихъ бѣглыхъ попахъ.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Господь освободилъ меня отъ узъ погибельнаго и несчастнаго раскола, сопричисливъ къ Своему стаду, усыновивъ святой церкви, *иже стяжа кровію Своею.* О, какое великое счастіе для человѣка христіанина быть членомъ тѣла Христова, сыномъ церкви святой! Напротивъ, какое великое несчастіе находиться въ расколѣ, не быть членомъ тѣла Христова, не находиться во святой соборной и апостольской церкви!

Но, увы! не сознаютъ своего несчастія люди, пребывающіе въ расколѣ, все равно какъ человѣкъ, не вкусившій сладкаго, не можетъ имѣть понятія и о горькомъ. Не видятъ старообрядцы, къ какой погибели ведетъ ихъ путь, которымъ они шествуютъ; а не видятъ оттого, что не хотятъ разсмотрѣть сего пути и не разсуждаютъ о пути, ведущемъ къ спасенію; а не разсуждаютъ потому, что не читаютъ слова Божія,—да едва ли знаютъ, что есть слово Божіе, ибо въ домахъ старообрядцевъ св. Евангеліе—великая рѣдкость, а читающаго сію спасительную книгу и никогда не увидишь. Правда, и старообрядцы читаютъ книги; но какія? Объ этомъ я скажу подробно

въ другой разъ; теперь же имѣю намѣреніе обратить вниманіе нашихъ городецкихъ старообрядцевъ бѣглопоповскаго согласія на нѣкоторыя событія, происшедшія у нихъ въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ, достовѣрно мнѣ извѣстныя и наглядным образомъ свидѣтельствующія о погибельности ихъ положенія внѣ церкви, съ одними бѣжавшими отъ церкви попами. Событія сіи вамъ, городецкіе старообрядцы, извѣстны еще ближе, нежели мнѣ; но вы или не хотите обратить на нихъ вниманія, или не разумѣете всего ихъ безобразія и всей ихъ погибельности. Поэтому я, болѣзнуя о васъ и желая вамъ душевнаго спасенія, намѣренъ напомянуть вамъ эти прискорбныя событія. Припомните же вмѣстѣ со мной, кого вы имѣли за духовныхъ отцовъ и пастырей, отъ кого вы думали получать спасительныя таинства, какіе сокрушенные кладенцы ископали себѣ, оставивъ Источника воды живой, глаголющаго: ***аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ*** (Іоан. 7—37), поставившаго и пославшаго законныхъ пастырей для утоленія духовной жажды пасомыхъ.

Около 1882 года у васъ рѣшено было имѣть въ с. Городцѣ всегда бѣглаго попа. Но тогда у вашихъ управителей не было, должно быть, такого знакомства съ разными агентами по добыванію поповъ, какъ теперь, и вы въ то время приняли нѣкоего іеромонаха Антонина.

Въ мірѣ онъ былъ Александръ и по рожденію былъ старообрядцемъ изъ дер. Гришина, села Хохломы, перешелъ въ церковь и былъ іеромонахомъ въ Керженскомъ монастырѣ. Но тутъ началось о немъ судебное дѣло, и онъ нашелъ болѣе удобнымъ скрыться къ вамъ. Вы, посредствомъ какого-то чинопріема, допустили его священствовать и исправлять у васъ всѣ требы, какъ законнаго священника. Впрочемъ, онъ хотя и рожденъ былъ въ расколѣ, но вашихъ старообрядческихъ убѣжденій, очевидно, не раздѣлялъ, ибо пробылъ у васъ не болѣе двухъ лѣтъ и, какъ только судебное о немъ дѣло прекратилось, по слухамъ, за смертью его обвинителя, болѣе пасти васъ не согласился и ушелъ въ православную церковь. Мы оставляемъ дѣйствія іеромонаха Антонина на его совѣсти; а вы подумайте, законно ли поступили, приявъ его и принимая отъ него таинства.

Потомъ для вѣнчанія браковъ вы добыли уже не іеромонаха, а нѣкоего Михаила, бывшаго священника Владимирской епархіи и низведеннаго въ мѣщане; этотъ мѣщанинъ около четырехъ годовъ исправлялъ у васъ требы, какъ священникъ, служилъ обѣдни, совершалъ крещенія, исповѣдь, браки и проч. Какъ же богачи ваши и всѣ вы не устрашились принимать сіи таинства отъ Михаила, когда и вамъ самимъ было извѣстно, что

этотъ Михаилъ не попъ, а мѣщанинъ? Правда, вы потомъ удалили его изъ Городца, признавъ не имѣющимъ сана; но вѣдь онъ четыре года исправлялъ у васъ всѣ духовныя требы, и вы объ этомъ, какъ будто весьма ничтожномъ предметѣ, только между собой потолковали: «да, да! неладно, неладно! ошиблись, —мошенникъ обманулъ»! И тѣмъ дѣло кончилось. А подумали бы, какая была это страшная ошибка, какой душевный вредъ заключается въ томъ, что чрезъ связаннаго, или не имущаго священства вы мнили получать отпущеніе грѣховъ и освященіе таинствами! Однако и этотъ горькій опытъ не научилъ васъ.

Только что развязавшись съ мѣщаниномъ Михайлой, вы переманили къ себѣ нѣкоего Степана, и жилъ у васъ этотъ Степанъ не болѣе года. Но кто такой онъ былъ?—вы и сами навѣрное не знаете,- попъ ли, мѣщанинъ ли, солдатъ ли какой? Знаете только, что держать его у себя сдѣлалось невозможно по причинѣ всякихъ безобразій, какія производилъ онъ въ пьяномъ видѣ,—безобразій, о нихъ же срамно есть и глаголати.

Къ тому же времени одинъ вашъ агентъ, нѣкто П. В. П—нъ, продалъ вамъ всего за 100 р. (да вы еще 50 р. не додали) нѣкоего попа Дмитрія Лебедева, Костромской епархіи, изъ с. Болваницъ. Его (какъ онъ самъ выражался о вашей переправѣ) мазали вы ка-

кимъ-то растворомъ. Этотъ Лебедевъ, сдавши свое мѣсто зятю, жилъ безъ мѣста и находился еще подъ слѣдствіемъ за прелюбодѣйное сожитіе: ожидая себѣ изверженія, онъ и продался вамъ. Но былъ онъ у васъ что-то менѣе года,—сталъ открыто разъѣзжать по трактирамъ села Городца, проклиналъ васъ, какъ еретиковъ, а потомъ и вовсе скрылся изъ Городца.

Тогда изъ Керженскаго монастыря вы переманили слабоумнаго старика, бывшаго австрійскимъ попомъ, нѣкоего іеромонаха Александра, почти-что нищаго. Вы прельстили его обѣщаніемъ большихъ доходовъ, и онъ, по своей слѣпотѣ и невѣжеству, согласился перейти къ вамъ; но пожилъ у васъ года съ полтора, понажилъ деньжонокъ и явился къ преосвященному Модесту, епископу Нижегородскому, упалъ въ ноги ему и со слезами просилъ прощенія. Преосвященный послалъ его на эпитимію въ Высокогорскій Выксинскій монастырь и, какъ прельстившагося раскольническими обѣщаніями по дряхлости и скудоумію, простилъ его.

Потомъ, въ 1890 г. поддался вашимъ обольщеніямъ того же Керженскаго монастыря іеромонахъ Макарій, который и теперь еще, какъ слышно, влачитъ свою жизнь у васъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и живя не по монашески. Какъ слышно, и у Макарія цѣль

и намѣренія такія же, что у Александра; да и теперь ведетъ себя далеко не въ духѣ вашихъ понятій.

Пріѣзжалъ къ вамъ еще, въ это же время, для повѣнчанія браковъ изъ Вольска бѣглецъ Михаилъ Сергіевскій,—пожилъ у васъ мѣсяца два съ какою-то женщиной, и его поведеніе вамъ показалось блазнительнымъ, почему вы и держали его очень мало Онъ перемазалъ для раскольниковъ какого-то бѣглеца-попа Ивана; но, какъ слышно было, не для Городца.

На смѣну Михаилу вашъ прежній агентъ П—нъ привезъ вамъ, какъ болѣе надежнаго, попа Максима Горева изъ Вологодской епархіи, изъ с. Домшина. Этотъ Горевъ былъ крестьянинъ-бѣглопоповецъ и, говорятъ, за хуленіе церкви находился въ острогѣ; но изъ острога будто бы подавалъ просьбы къ епархіальному начальству, съ раскаяніемъ просилъ прощенія; тогда же за него просили вновь обратившіеся изъ раскола, чтобы его произвести къ нимъ во священника къ единовѣрческой церкви с. Домшина. Какъ слышно, эта просьба вновь обратившихся старообрядцевъ и была уважена. Но Горевъ, какъ неискренно раскаявшійся и склонный къ самодурству, началъ допускать несогласныя съ правилами церкви дѣйствія, за что отъ духовнаго начальства былъ неоднократно на-

казанъ и, наконецъ, какъ ненадежный къ исправленію, лишенъ мѣста. Тогда онъ, какъ изблудившійся, пошелъ къ заблудшему стаду въ пастыри и началъ этому стаду отправлять всякія требы. Однако и вы примѣтили его безнравственность, о чемъ пришлось вамъ даже свои «сельскіе» сходы собирать, и потому оченъ обрадовались, когда къ вамъ явился еще бѣглецъ-попъ Александръ Успенскій, который лукаво объяснилъ вамъ, что пришелъ не ради корысти, а якобы единственно для спасенія. Но скоро сдѣлалось извѣстнымъ даже изъ «Сенатскихъ Вѣдомостей» (№ 3, 1893 г.), что этотъ Александръ Успенскій, бѣжавшій изъ с. Мячева, скрывается отъ суда, предъ которымъ обвиняется въ подлогахъ (по 1441 ст. Улож. о наказ.), за что подлежитъ ссылкѣ въ очень далекія мѣста.

Итакъ, въ теченіе десяти лѣтъ наблюдая со стороны за вашими дѣлами, вотъ сколько могъ я указать бѣглецовъ, которыхъ вы принимали къ себѣ подъ именемъ поповъ, которымъ довѣряли свою душу, дозволяли совершать у васъ и церковныя службы и самыя таинства, которыхъ потомъ прогоняли, какъ никуда не годныхъ, если они только сами не уходили отъ васъ.,. Какъ же не страшно вамъ ввѣрять свои души такимъ безсовѣстнымъ бѣглецамъ, самозванцамъ, преступникамъ? Какъ не боятся Бога особенно ваши богачи и ру-

ководители, пріобрѣтающіе этихъ бѣглецовъ для темнаго народа, который въ простотѣ сердца принимаетъ ихъ за истинныхъ пастырей на погибель своихъ душъ? О, какое это нечестіе! Какой тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и человѣки! Видя такія совершающіяся у васъ безобразія и кощунственныя дѣла, я непрестанно благодарю Господа, Спасителя моего, что вотъ уже десять лѣтъ, по Его милосердію, свободенъ отъ всякаго въ нихъ участія, не состою въ вашемъ обществѣ, а принадлежу къ истинной церкви Христовой, имущей истинное, законное священство. Впрочемъ то, что нынѣ творится у васъ, жалкіе бѣглопоповцы, есть только продолженіе того, что дѣлалось и прежде; нынѣ вы продолжаете, на гибель вашу, то же зло, котораго я былъ свидѣтелемъ, находясь еще въ вашемъ обществѣ, и о которомъ вспоминаю теперь съ великою скорбью за себя и особенно за васъ, потому что вы еще не освободились, какъ освободился я, отъ этой душевной погибели. Для вразумленія вашего напомяну вамъ кратко о тѣхъ бѣглецахъ, которыхъ я былъ очевидецъ, а нѣкоторыхъ и сослуживецъ. Тогда пріѣзжали къ вамъ изъ Москвы Димитрій Бѣляевъ, еще Петръ разстрига Березовскій и Борисъ Якимовъ. Изъ-за этихъ трехъ поповъ у васъ было и три партіи. А въ Городцѣ жили Николай, іеромонахъ Варлаамъ изъ

Кривоезерскаго монастыря и другіе. Затѣмъ были и такіе, что пріѣзжали въ Городецъ, да потомъ съ полученными задаточными деньгами уѣзжали во-свояси—такъ нѣкто по имени Иванъ не согласился на перемазанье и уѣхалъ съ деньгами; то же сдѣлалъ Семенъ изъ с. Крапивина Ниж. губ.

Напомню кстати и о томъ, какъ вы сманивали (и сманиваете) священниковъ въ расколъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вы убѣждаете ихъ переходить къ вамъ? Писаніемъ ли, доказательствами ли отъ слова Божія и отеческихъ твореній, какъ бы слѣдовало, если полагаете, что у васъ истинная церковь? Вовсе нѣтъ. Ибо всякому извѣстно, что ваши ходатаи, уловляющіе поповъ, люди малограмотные, въ Писаніи не свѣдущіе, да и прибѣгать къ Писанію считаютъ излишнимъ для своей цѣли. Дѣйствовали (и дѣйствуютъ) они вотъ какъ. Познаютъ, что гдѣ-нибудь священникъ скоро получитъ запрещеніе, или же окончательное изверженіе изъ сана, и являются къ нему, какъ снѣгъ на голову, съ такими убѣжденіями: »Что, отецъ? видать, что приходъ у тебя бѣдный! вотъ шелъ бы ты къ намъ: большіе доходы получать будешь, не меньше 3000! А угощеніе! закуски! Здѣсь же, поди, есть и должишки! Давай-ка слово; раздѣлайся со всѣми по совѣсти,—сейчасъ выдадимъ деньги,—да и собирайся въ путь!»

Попъ говоритъ: «а билетъ?» и проч. Ходоки: «полно! ничего не надо! у насъ на этотъ счетъ свободно». Такія вѣскія доказательства для батюшки оказываются убѣдительнѣе всякихъ доказательствъ отъ Писанія; а всего убѣдительнѣе то, что ходоки тутъ же предложатъ обильное угощеніе, и подъ хмелькомъ попъ изъявляетъ согласіе на переходъ и на какой угодно чинопріемъ. Правда, бывали и неудачи, о которыхъ передавали мнѣ сами искатели «древняго» священства,—бывало, что попъ изъявляетъ согласіе на переходъ, беретъ задатокъ, получаетъ денегъ на расплату долговъ, а потомъ и объявляетъ: «Хотя и согласился итти къ вамъ, но боюсь, какъ бы у васъ въ расколѣ мнѣ не помереть; нѣтъ не поѣду, раздумалъ». И приходилось искателямъ обратно ѣхать однимъ, почесывая затылокъ, да раздумывая, какъ отвѣчать своимъ, почему пріѣхали безъ попа. А если успѣютъ привезти попа, какого бы то ни было, и перемажутъ, тогда принимаются за дѣло келейныя дѣвы, пріемлющія это священство, и начинаютъ распространять между своими: «Этакаго священника благочестиваго добыли! самъ созналъ Никоніанство,—говоритъ, что съ дѣтства любилъ христіанство, и дѣдъ его священникъ былъ тоже, говоритъ, христіанинъ! Хотя съ гостями и выпиваетъ, но очень воздержный и молиться умѣетъ истово! Особо

древнее-то очень любитъ!» И такая проповѣдь у васъ происходила за всѣхъ вновь приводимыхъ къ вамъ бѣглецовъ, какъ вы сами можете вспомнить. Что же? Не обманывали ли вы всѣ одинъ другого? И кому вы довѣряетесь? Подумайте и настоятельно, неотступно требуйте отъ вашихъ распорядителей объясненія, чѣмъ они руководствуются, принимая такихъ бѣглецовъ. Особенно же подумайте о томъ, что вѣдь по правиламъ святыхъ отецъ всѣ совершонныя у васъ бѣглецами таинства надо совершать вновь, ибо они, не суще священники, не могли совершать никакихъ таинствъ, и благодати, подаваемой въ таинствахъ въ наслѣдіе жизни вѣчной, вы отъ нихъ не получили. И такъ, не получивши благодати, не получивши прощенія грѣховъ, безъ причастія тѣла и крови Христовой, сколько васъ отошло отъ сей жизни. О, какая погибель! И сію погибелъ вы наслѣдовали вашимъ отчужденіемъ отъ православной церкви.

Если о всемъ этомъ я рѣшился напомнить вамъ, то именно скорбя душою о вашей погибели и побуждаемый искреннимъ желаніемъ вашего возвращенія въ православную церковь, къ законнымъ, Богопоставленнымъ пастырямъ.

Ещѳ нѣсколько словъ къ бывшимъ собратіямъ моимъ старообрядцамъ.

Когда я былъ въ расколѣ, родители мои, угадывая мое намѣреніе оставить раскольническое заблужденіе и принять православіе, начали сильно вооружаться противъ меня, чтобы воспрепятствовать исполненію моего намѣренія, и даже грозили предать меня проклятію, если оставлю расколъ. Признаюсь, немало смущала меня такая ихъ угроза и даже нѣсколько задержала мое присоединеніе къ церкви. Это же смущеніе и робость предъ угрозами родителей, какъ слышу и вижу, удерживаетъ и теперь въ расколѣ многихъ старообрядцевъ, вполнѣ сознающихъ истину православія и понимающихъ всю неправоту и заблужденіе раскола.

Очень грустно видѣть это и слышать. И такимъ-то изъ старообрядцевъ я хочу сказать: вѣдь, такое ваше поведеніе есть двоедушіе и непростительный грѣхъ предъ Богомъ! Вы говорите: подождемъ,—вотъ родители помрутъ, тогда мы и перейдемъ въ православіе! Но вѣдь въ этихъ словахъ вашихъ

открывается во-первыхъ, ваше пренебреженіе къ вѣчному спасенію вашихъ родителей,— вмѣсто того, чтобы своимъ обращеніемъ къ церкви показать имъ добрый примѣръ, которымъ, быть-можетъ, и они вразумились бы и вслѣдъ за вами оставили бы расколъ, вы говорите: пусть они умираютъ въ расколѣ, т. е. пусть погибаютъ, а тогда, какъ умрутъ, мы и присоединимся къ церкви! Да и почему вы знаете, кто прежде умретъ—ваши родители, или вы сами? Это извѣстно только одному правосудному Богу. И какими продерзателями являетесь вы предъ самимъ Богомъ! Вы какъ будто говорите Ему: «Подожди, Господи, дай мнѣ пожить еще въ раскольническомъ заблужденіи, внѣ церкви Твоей! Ты самъ знаешь, что я не обращаюсь не по своей винѣ, а въ угожденіе родительскому невѣжеству,—вотъ когда умрутъ они, тогда и приду въ Твою церковь»! Вы боитесь клятвы родителей за оставленіе раскола. Но вы боитесь страха, идѣже нѣсть страхъ. Клятва вашихъ родителей за обращеніе къ церкви, истинность которой вы и сами сознаете, не имѣетъ никакого значенія; и произносить клятву на лицъ, погрѣшающихъ въ ученіи вѣры, непокорныхъ и нераскаянныхъ, могутъ одни только архипастыри, а не міряне, да еще сами находящіеся подъ церковною клятвою, каковы ваши родители, осужденные за расколъ соборомъ 1667 года.

Если страшитъ васъ пятая заповѣдь въ законѣ: «Чти отца твоего и матерь твою» и проч., то вы должны знать, что заповѣдь эта не требуетъ повиновенія родителямъ въ незаконномъ дѣлѣ, особенно же въ дѣлахъ вѣры и спасенія, когда родители требуютъ противнаго истинной вѣрѣ и спасенію. И мы видимъ, что еще въ первые вѣка христіанства, вѣровавшіе во Христа, не оставляя почтенія къ родителямъ, презирали всѣ ихъ угрозы за послѣдованіе Христу и не повиновались ихъ беззаконнымъ требованіямъ — пребывать въ томъ же нечестіи, въ какомъ сами коснѣли. Припомните наприм., житіе святой великомученицы Варвары. Въ Четьихъ Минеяхъ, въ житіяхъ святыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ, вы найдете и много такихъ примѣровъ, —увидите, какъ фанатики родители мучили своихъ дѣтей за принятіе вѣры Христовой, но дѣти оставались вѣрны истинной вѣрѣ, несмотря на всѣ мученія, и получили за то отъ Бога вѣнцы нетлѣнные, т.-е. награду, а не наказаніе. Какіе, напр., принималъ мѣры Авениръ царь, чтобы удержать своего сына Іоасафа въ язычествѣ, — говорилъ: «такъ, или иначе, я изгоню изъ него этотъ духъ упорства и заставлю его отказаться отъ христіанства»! Іоасафъ же отвѣчалъ ему: «Христосъ повелѣлъ мнѣ, отецъ, любить тебя много, много, и я буду просить со слезами, чтобы

Онъ просвѣтилъ и тебя». Вотъ какъ поступалъ святой мученикъ, претерпѣвая гоненіе отъ отца, и молитва его услышана: Аверинъ за четыре года до своей смерти и самъ принялъ Христіанство. Такъ Іоасафъ исполнилъ и пятую заповѣдь закона, хотя не оказалъ повиновешія отцу въ дѣлѣ вѣры. Вотъ для васъ достойный подражанія примѣръ. И можно ли дивиться, что родители-раскольники съ жестокостію гонятъ дѣтей, обращающихся ко святой церкви, когда самъ Христосъ сказалъ въ Евангеліи: «Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ: ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и враги человѣку домашніе его» (Матѳ. гл. 10, ст. 34,36). Св. Златоустъ, объясняя эти слова и сопоставляя ихъ съ сказаннымъ у Апостола о повиновеніи дѣтей родителямъ говоритъ: «Если Апостолъ Павелъ многое заповѣдуетъ о родителяхъ и велитъ во всемъ имъ повиноваться,—ты не дивись. Онъ велитъ повиноваться только въ томъ, что не противно благочестію. Ибо святое дѣло воздавать имъ всякое иное почтеніе; когда же потребуютъ себѣ болѣе надлежащаго, недолжно имъ повиноваться» (Бѣс. 35 на Матѳ.). И Катихизисъ учитъ насъ: Дѣти обязаны и должны любить и почитать своихъ родителей и молиться о спасеніи души ихъ и выполнять

всѣ и всякія приказанія и распоряженія, не противныя закону Божію и гражданскому (пространнѣе можно прочесть о семъ въ книгѣ «Истинно-древняя Христова церковь М. Григорія 2 ч, 273 стр.).

Мы должны вѣровать въ Бога Отца (Іоан. 14—1) и слушать гласа Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа, по его наставленію: ***овцы Моя гласа Моего слушаютъ, и Азъ знаю ихъ, и по Мнѣ грядутъ*** (Іоан. 10—27); а не должны слушать людей, притомъ такихъ, которые совсѣмъ не знаютъ, что есть слово Божіе. Мы также обязаны и должны по символу вѣровать во святую церковь, созданную Господомъ, знать ее и пребывать въ ней; а знать ее должны потому, что и простыя собранія, не освященныя, сами себя именуютъ церковію, и если не знаетъ человѣкъ въ дѣйствительности церкви Христовой, то по невѣденію можетъ признать и не Христову церковь за Христову. А пребывать въ церкви должны потому, что кромѣ церкви Божіей нигдѣ нѣтъ спасенія... и кто не въ церкви, тѣхъ Христосъ не спасаетъ и Духа Святаго тѣ не имѣютъ (Кат. Больш.).

Надѣюсь, вы согласитесь теперь, что весьма неосновательно бояться клятвы родителей за переходъ во святую церковь и ради этого опасенія оставаться и пребывать въ расколѣ. При томъ же и вамъ должно быть извѣстно,

что родители ваши, какъ и весь расколъ, слѣдуютъ не слову Божію, которымъ должны руководствоваться вѣрующіе, а наставленіямъ разныхъ пройдохъ, безграмотныхъ, а иногда еще и безнравственныхъ. По ученію св. Павла (Евр. гл. 13, ст. 7), мы должны подражать вѣрѣ наставниковъ нашимъ, которые проповѣдывали намъ слово Божіе, и взирать на скончаніе жительства ихъ. Если ваши родители требуютъ отъ васъ безусловнаго повиновенія ихъ вѣрѣ, или, что одно и то же, вѣрѣ ихъ наставниковъ, то взираютъ ли они на кончину своихъ наставниковъ, съ желаніемъ получить и самимъ такую же? Не знаю, взираютъ ли они; а я вамъ приведу на память кончину извѣстныхъ защитниковъ и проповѣдниковъ раскола, ученію которыхъ велятъ вамъ слѣдовать.

Вотъ былъ у насъ нѣкто Андрей Демидовъ Грачевъ, жившій въ селѣ Городцѣ, извѣстный не только въ Городцѣ, но за предѣлами Нижегородской губ., такъ какъ онъ, по его разсказамъ, будто бы проповѣдывалъ въ 23-хъ губерніяхъ; проповѣдь его за послѣднее время была о словѣ «благодатная» въ привѣтствіи архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ Маріи, которе онъ требовалъ непремѣнно замѣнять словомъ «обрадованная»; о лѣтахъ воплощенія Господня, которое, по его, было въ 5500 году; о имени Іисусъ, которое онъ

признавалъ именемъ инаго бога. Этотъ Грачевъ, хотя и занимался проповѣдію о вѣрѣ, но цѣлую жизнь влачилъ зазорно и пьяно, и нашли его умершимъ отъ пьянства въ сѣняхъ, у лѣстницы. Вотъ кончина вашего учителя, цѣлый свой вѣкъ споришаго о вѣрѣ, а не знавшаго, какой и самъ онъ вѣры!

Второй такой же проповѣдникъ былъ по Спасовщинѣ, а потомъ уже по Австрійщинѣ, изъ Костромской губерніи, жившій у насъ въ селѣ Городцѣ въ качествѣ миссіонера за Австрійщину, слѣпецъ Михаилъ Ѳедоровъ Яковлевъ. Онъ получалъ ежемѣсячно жалованья отъ Антонія Шутова 20 руб., отъ С—кова по 5 руб. и отъ старой дѣвы Завьяловой изъ Ворсмы по 10 руб., а по смерти Шутова получалъ отъ Кирилла Нижегородскаго, или Елесинскаго, по 25 руб.,—деньги эти Кириллъ собиралъ со своихъ именуемыхъ поповъ. О полученіи денегъ отъ С—ва и Завьяловой я знаю потому, что писывалъ по просьбѣ слѣпца увѣдомительныя и благодарственныя письма къ этимъ лицамъ, когда былъ въ Австрійскомъ согласіи. Слѣпецъ Яковлевъ, получая болѣе 400 р. въ годъ, весьма пьянствовалъ и жилъ развратно, а расколъ и самъ сознавалъ заблужденіемъ. На вопросъ мой: почему же ты не оставишь расколъ, если считаешь его заблужденіемъ?—онъ отвѣчалъ: успѣю,—и добавлялъ: надо потѣшить и ихъ... (тутъ онъ упот-

реблялъ слово, которое неудобно печатать)! Я спрашивалъ: кого ты такъ честишь?—А вотъ владыкъ-то нашихъ! вѣдь они чистые бараны! Онъ собирался идти въ церковь; но, служа расколу, совсѣмъ спился и жизнь кончилъ постыдно около 1889 года.

Такъ же кончили начетчики самокрещенской ереси, Петръ Даниловъ Дружкинъ и безразсудный, злѣйшій фанатикъ, ругатель святыхъ Божіихъ Таинствъ, наставникъ нѣтовщинской ереси, Иванъ Давыдовъ Брюховскій: этотъ не опился, а объѣлся. Онъ былъ страшный скряга, не ѣлъ сутокъ, по-двое и болѣе, изъ жадности къ деньгамъ. Разъ такой голодный былъ онъ приглашенъ на богатый, сытный обѣдъ, въ Троицынъ день,—время было очень жаркое; Брюховскій по жадности напалъ на мясную пищу, послѣ этого все пилъ холодный квасъ, и кончилъ тѣмъ, что, промучившись около сутокъ, умеръ. Тогда же не по-христіански умеръ неограниченный и наглый ругатель пастырей церкви православной, отъ которой самъ отступился, нѣкто Владимиръ Трифоновъ Клепиковскій. И другіе менѣе у насъ извѣстные начетчики, но тоже злѣйшіе ругатели церкви, умерли также весьма зазорно: нѣкто Давыдъ Дерюгинъ, все толковавшій изъ Библіи о разсыпаніи руки людей освященныхъ и объ антихристѣ, и еще одна старуха краснорѣчивая, учившая,

что воскресеніе нужно праздновать въ среду. А сколько такихъ ярыхъ и дерзкихъ фанатиковъ покончили, какъ это намъ извѣстно отъ очевидцевъ, сумасшествіемъ и бѣшенствомъ! Лица, о которыхъ я говорилъ, всегда посѣщали публичныя собесѣдованія со старообрядцами въ с. Городцѣ, и какъ на бесѣдахъ, такъ равно и внѣ бесѣды, вездѣ нахально и нагло, особенно же въ послѣднее время своей жизни, поносили православную церковь и оскорбляли религіозное чувство православныхъ христіанъ. И вотъ какъ видимо наказалъ Богъ этихъ ругателей! Исполнилось реченное псалмопѣвцемъ: «посрамятся и погибнутъ» (пс. 82, ст. 18) и ихъ послѣдователи «облеклись въ стыдъ и срамоту» (Пс. 34, ст. 26).

Но лучше ли своихъ учителей и всѣ ваши ревнители раскола, начиная съ вашихъ стариковъ-родителей, клятвы которыхъ вы боитесь? Замѣчу прежде всего,—какъ всѣ они горды, какъ много о себѣ думаютъ!—Мы-де не то, что прочіе человѣцы, особенно эти щепотники-никоніане! мы-де имѣемъ книги Златоуста и страдальцевъ Соловецкихъ! намъ ли поэтому не знать истинной вѣры и како подобаетъ спастися? О! несчастный, несчастный расколъ! Какъ ты гордъ въ своемъ ослѣпленіи! Неужели вы, мнимые начетчики, думаете, что, имѣя сколько-нибудь книгъ, запертыхъ въ сундукѣ,

отъ одного этого сдѣлались всезнающими? И почему же вы никогда не бываете въ состояніи оправдать свое убѣжденіе отъ книгъ предъ православными? Ясно,—отъ того, что на самомъ дѣлѣ никакихъ книгъ не читаете, неговоря уже о словѣ Божіемъ, о Евангеліи, тѣмъ паче о всей Библіи. Этихъ священныхъ книгъ вы не только не читаете, но и въ домахъ вашихъ не скоро найдешь ихъ. Читаете вы, знаю я, Псалтырь, служите всенощные по книгамъ, хотя не по уставу«Церковное Око», а по своему, - какой бабѣ какъ вздумается, т. е. какъ она сумѣетъ! Потомъ читаете житіе св. Николы, а особенно книгу, называемую «Златоустъ». Но какъ читаете? Не для душевной пользы: ибо того, что есть полезное въ этой книгѣ, не разумѣете и не исполняете.

Вотъ, я имѣю подъ руками эту книгу Златоустъ, «напечатанную съ перевода древняго письменнаго, въ типографіи Почаевской, въ лѣто отъ созданія міра 7303», и укажу вамъ изъ нея нѣчто, оставляемое вами въ пренебреженіи. Въ ней говорится напримѣръ: «Люто христіаниномъ нарекшуся и не пріимати таинъ Христовыхъ (таковые) невѣрнымъ подобны. Аще же кто и чистъ, живя въ покаяніи, а не пріемлетъ таинъ Христовыхъ, не можетъ спастися. Господь бо рече: Ядый мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ

въ немъ» (139 л.). Еще: «Подобаетъ всякому трижды въ лѣто причащатися Пречистыхъ таинъ Христовыхъ, а по нашей слабости хотя единожды въ лѣто... и то много очищеніе есть. Аще ли кто и того не сотворитъ, а случится ему смерть, лучше бы ему не родитися» (103 л.). Вотъ чего требуетъ любимая ваша книга «Златоустъ». У васъ такъ ли? Заботитесь ли вы о пріятіи святыхъ таинъ? И паки: «Аще ли въ сія святыя дни постныя не покаемся, а постигнетъ смертный часъ, то вскую есмы родилися? лучше бы намъ не родиться» (29 л. на об.). А у васъ о таинствѣ покаянія никто и не говоритъ, и совершать его по чину церковному у васъ некому; вмѣсто таинства покаянія почитаютъ вашимъ бабамъ старухи, называемыя «келейными», скитское покаяніе, по которому они раскаются въ такихъ грѣхахъ, о какихъ и слышать срамно, да и считаютъ, что очистили свою совѣсть покаяніемъ! Книга «Златоустъ» учитъ и увѣряетъ, что Богъ даровалъ намъ церковь, святое и радостное пристанище (л. 317), и что кто въ церкви двѣ недѣли не приходитъ, таковый другія двѣ недѣли не постится (л. 262). А ваши старухи учатъ васъ и внушаютъ вамъ, что если кто даже на паперть церковную взойдетъ, и за это долженъ нести епитимію въ 1000 поклоновъ земныхъ. Вотъ какъ вы слушаетесь, книги «Златоустъ»! Не

ея вы слушаетесь, а вашихъ бабъ; бабы же слушаютъ старухъ. Оставьте старухъ слушать! —слушайте, чему учатъ Господь и Его Апостолы, ибо въ той же книгѣ «Златоустъ», писано: «о, горе не послушающимъ Господня ученія и святыхъ Апостоловъ» (л. 289, об.).

Итакъ, вы не обращаете вниманія на то, что есть въ «Златоустѣ» дѣйствительно поучительное; а читаете его, должно-быть, ради басней и ложныхъ мнѣній, какія содержатся въ этой уважаемой вами книгѣ. Не потому ли, дѣйствительно, и любезна вамъ она, что не есть книга святоотеческая? Хотя и носитъ она имя святого Іоанна Златоуста, но было бы тяжкимъ оскорбленіемъ памяти сего великаго святителя только и подумать, чтобы могли принадлежать ему, находящіяся въ этой книгѣ лжи и нелѣпости. Напримѣръ, возможно ли, здраво разсуждая, допустить, чтобы дѣйствительно св. Златоустъ училъ, будто «егда Христосъ воста отъ мертвыхъ, и тогда солнце всю недѣлю стояло на одномъ мѣстѣ» (л. 341), т.-е. цѣлую недѣлю продолжался одинъ день?—и что будто бы Рождество Христово уставилъ онъ, святый Златоустъ, Крещеніе—Василій Великій, а Пасху Григорій Богословъ (л. 214)? Посмотрите сами Правило 7-е св. Апостоловъ и увидите, что въ немъ говорится: «аще кто епископъ, пресвитеръ, или діаконъ святый день Пасхи прежде

весенняго равноденствія съ іудеями *праздновати* будетъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина». Значитъ, праздникъ св. Пасхи праздновался еще Апостолами. Извѣстно также, что не мало было преканій о днѣ празднованія св. Пасхи между Восточною и Западною церквами и что преканія эти были рѣшены 1-мъ вселенскимъ соборомъ въ 325 году. А въ «Златоустѣ» повѣствуется, будто праздникъ Пасхи установилъ св. Григорій Богословъ, жившій позднѣе, перваго вселенскаго собора! Не явная ли эта неправда? И еще,—о призваніи Наѳанаила Господомъ въ «Златоустѣ» написано, что будто бы Наѳанаилъ былъ пророкъ, и будто бы трехдневнымъ младенцемъ былъ положенъ матерью въ виноградъ подъ смоковницею и что здѣсь-то его видѣлъ Господь, хотя въ это именно время самъ былъ одного года и находился на очень далекомъ отъ него разстояніи (л. 152). Но достаточно со вниманіемъ прочесть объ этомъ событіи въ Евангеліи отъ Іоанна (гл. I, ст. 44—47) и въ Четіей Минеи житіе св. Филиппа (14 нояб.), чтобы видѣть, что Наѳанаилъ пророкомъ не былъ, и подъ смоковницею Господь видѣлъ его не трехдневнымъ, и самъ будучи не одного года. Ясно, что въ «Златоустѣ» разсказывается сказка. И еще говорится, будто Даніилъ пророкъ былъ сынъ какого-то царя Вавилонскаго

(л. 287), тогда какъ въ книгѣ пророка Даніила ясно сказано, что онъ былъ изъ сыновъ Іудиныхъ (гл. I, ст. 1—6).

И не мало такихъ историческихъ несообразностей можно было бы указать въ книгѣ, такъ несправедливо названной именемъ Златоуста. Обращу вниманіе ваше на нѣкоторыя, содержащіяся въ ней, догматическія погрѣшности. Такъ, читаемъ въ ней: «Речетъ Царь, т.-е. Господь Богъ (ошуюю стоящимъ): отыдите, яко сами уготоваете себѣ, но брегостебо Моего спасенія». Въ символѣ вѣры читаемъ, что Христосъ сошелъ на землю нашего ради спасенія, а не своего, о чемъ страшно и подумать. Еще: «Егда рѣка огненная потечетъ отъ востока и до запада.. сквозе же огнь той подобаетъ идти всему человѣческому роду.. да симъ огнемъ искусятся вси человѣцы, и яко злато въ горнилѣ очистившееся просвѣтятся тѣлеса праведныхъ, яко солнце (л. 297 и 298). Здѣсь проповѣдуется неправославное ученіе объ огнѣ чистительномъ, тогда какъ св. Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ, что Господь Богъ ***во огнѣ пламенѣ дастъ отмщеніе не вѣрующимъ Бога и не послушающимъ благовѣствованія Господа нашего Іисуса Христа*** (2-е Сол., гл. I, ст. 8), и этотъ огнь отмщенія, по слову самого Христа, будетъ огнь вѣчный (Матѳ. гл. 25, ст. 41).

Укажу еще одно нелѣпое слово, озаглавленное «Епистолія Господа нашего Іисуса Христа», которая, неизвѣстно когда и откол ѣ, пришла въ Римъ и оказалась повѣшенною на алтарь святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Епистолія эта содержитъ въ себѣ ученіе о божественной недѣлѣ,—объясняетъ почему должно праздновать день воскресный: «Не вѣсте ли, безумніи человѣцы, яко во святую недѣлю явихся Азъ Моисею въ купинѣ, Аврааму подъ дубомъ мамврійскимъ; архангелъ Гавріилъ рекъ Дѣвѣ Маріи: радуйся, обрадованная. Азъ пріяхъ крещеніе отъ Іоанна... и вдахъ вамъ вѣру и законъ, вѣровати и потребляти грѣхи ваши святыя ради недѣли»; за нарушеніе такой вѣры въ недѣлю, будто бы, хотѣлъ Господь всѣхъ погубить и послать лютыхъ звѣрей, со львиными головами, орлиными крыльями и ногтями, но не погубилъ только потому, что Пречистая Богородица съ Крестителемъ и всѣми Апостолами и отъ вѣка угодившими Богу и т. д. Хотя мнимый «Златоустъ» и говоритъ: аще кто возглаголетъ, что эта епистолія не отъ Бога и скажетъ, что это ложь, тотъ будетъ проклятъ, и домъ его раззорится, и отраднѣе будетъ Содому и Гоморру, нежели таковому; но, не смотря на такую грозную кару, мы все-таки считаемъ это писаніе нелѣпой и кощунской выдумкой. Кромѣ указанныхъ нелѣпос-

тей о происхожденіи епистоліи, обратите вниманіе еще на то, что въ ней всѣ, кто не прочтетъ ее народу и «срамляющіеся сохранити ю», предаются анаѳемѣ, а кто перепишетъ ее и пошлетъ во грады и веси, тѣхъ грѣхи Господь убѣлитъ. Не нечестивое ли это ученіе, что достаточно только переписать эту лживую епистолію, и не надо ни покаянія, никакихъ таинствъ (тѣмъ болѣе, конечно, не надо ни двоеперстія, ни сугубой аллилуіи и проч.),—за одно это переписаніе получишь спасеніе!

Полагаю, что я указалъ еще очень мало неправильностей и погрѣшностей, находящихся въ любимой вашей книгѣ «Златоустъ». Но и этого довольно, чтобы дать понятіе о томъ, какія книги читаютъ наши старообрядцы.

Но, кромѣ книгъ въ родѣ «Златоуста», у нихъ, какъ вы знаете, пользуются еще большимъ уваженіемъ разныя рукописныя тетрадки, исполненныя нелѣпостей и кощунствъ, имѣть и читать которыя считается также дѣломъ спасительнымъ. Такъ, наприм., у васъ вѣруютъ, что если кто имѣетъ списокъ «о *Свѣтлоярѣ озерѣ*» въ своемъ домѣ, то живущіе въ немъ, ради сего списка, никогда не подвергнутся никакому несчастію и проч. А въ этомъ спискѣ «о Свѣтлоярѣ озерѣ» разсказывается, что озеро Свѣтлояръ образовалось вслѣдствіе сокрытія здѣсь въ землю го-

рода «Китежа» великаго, съ святыми монастырями и людьми праведными, и что-де люди эти живы и теперь, и будто бы многимъ вѣрующимъ старушкамъ они являются и приглашаютъ ихъ на вѣчное къ себѣ жительство въ озеро, куда ваши старухи и старики однако не идутъ на жительство. Мы же вѣруемъ, что всѣ угодившіе Богу находятся на небѣ, а не подъ землей и въ озерахъ. *)

Еще читается многими у васъ въ спискахъ извѣстная челобитная съ повѣстью объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ. Объ ней много говорено людьми учеными, а потому я оставляю ее безъ всякаго замѣчанія, только свидѣтельствую, что и теперь наши мудрецы еще читаютъ ее съ увѣренностью, что въ Соловецкихъ страдальцевъ стрѣляли изъ деревянныхъ пушекъ, начиненныхъ каждая по 360 ядръ тяжеловѣсныхъ съ порохомъ, и ядра эти летаху яко вранове, и проч. Еще много распространено у васъ списковъ подъ названіемъ «Сонъ Богородицы». Есть также письменныя и печатныя книги подъ названіемъ «Страсти Господни», гдѣ говорится, что Пилатова голова взята на небо и проч.

Исчисленныя мною и другія, подобныя имъ по нелѣпости и нечестію, рукописныя тетрад-

*) Списокъ «о Свѣтлоярѣ озерѣ» составляетъ порядочную книжку, около 80 листовъ въ осьмушку.

ки составляютъ общую принадлежность раскола,—ихъ чтутъ, читаютъ и хранятъ австріецъ, бѣглопоповецъ, стариковецъ, озерницы-старухи, поморцы, самокрещенцы, нѣты и странники. На соблазнъ православныхъ простодушныхъ мірянъ, раскольники читаютъ имъ эти книжки вслухъ, съ особой интонаціей, вкрадчиво и лукаво, чѣмъ уловляютъ иныхъ въ свои сѣти.

Потомъ есть еще у раскольниковъ сочиненія, пригодныя исключительно тому, или другому толку,—написанныя въ его защиту и въ опроверженіе враждебныхъ толковъ, а всего болѣе съ бранью на православную церковь. Напримѣръ, у бѣглопоповцевъ есть цѣлыя книги въ переплетахъ, содержащія выписки изъ разныхъ книгъ о томъ, что безъ таинствъ и священства спасенія получить нельзя,—выписки эти сдѣланы для обличенія безпоповскихъ ученій. Есть у нихъ же въ спискахъ «Повѣсть о бѣгствующемъ священствѣ». Кѣмъ эта повѣсть составлена, я сказать не могу *), а только говорю, что видѣлъ ее въ спискахъ, будучи въ расколѣ, и теперь, находясь въ православіи, по своей любознательности, бралъ для чтенія. Точно такъ и безпоповцы всѣхъ толковъ въ свою

*) По всей вѣроятности, это «Исторія о бѣгствующемъ на Керженцѣ священствѣ» Іоны Курносаго. Ред.

защиту и въ обличеніе бѣглопоповства имѣютъ книги въ переплетахъ, называемыя: Собраніе, или сказаніе св. отецъ о послѣднихъ днехъ, или на послѣднее плачевное время. Еще у нихъ пользуются уваженіемъ лицевый,—т. е. въ картинкахъ,—Семитолковый Апокалипсисъ и Цвѣтникъ печатный, подпольный, составленный тщаніемъ и трудами Р. Б. В. Г. (т. е. раба Божія Василія Гаврилова). Здѣсь, кромѣ всѣхъ прочихъ безпоповщинскихъ нелѣпостей, еще и то проповѣдуется, что податей государственныхъ платить не слѣдуетъ.

Вотъ приблизительное описаніе библіотеки нашихъ старообрядцевъ, хвастающихся тѣмъ, что они яко-бы все на книгахъ почиваютъ. И отсюда-то почерпаютъ они свою мудрость, превозносясь которою, не хотятъ ни читать, ни слушать слова истины Евангельской и святоотеческой. Какъ же не совѣстно вамъ, понимающимъ и видящимъ правоту Церкви, коснѣть въ обществѣ такихъ невѣждъ и страшиться ихъ гнѣва и проклятія за то, что оставите расколъ?

Но явились въ расколѣ съ не очень давняго времени и такіе чтецы книгъ, которые такъ же, какъ и мы, считаютъ глупостью чтеніе указанныхъ выше тетрадокъ; но зато читаютъ Герценовскія, Кельсіевскія и подобныя книги. О книгахъ этихъ, какъ нисколько

незнакомый съ ними, ничего сказать не могу; чтецовъ же и безвѣровъ, или вѣрующихъ въ какое-то особое ученіе видалъ и вижу доселѣ здравствующихъ; знаю и такихъ, которые за это чтеніе отбыли и надлежащее наказаніе. Одинъ изъ такихъ, по выходѣ изъ тюрьмы, показывалъ мнѣ своего товарища по заключенію—жестяной чайникъ, привезенный домой на память. Конечно, для такихъ чтецовъ—раскольниковъ положеніе въ расколѣ самое удобное и выгодное,—имъ все равно—сегодня онъ бѣглопоповецъ, завтра австріецъ, а чрезъ нѣсколько времени и опять бѣглопоповецъ, или и вовсе безпоповецъ.

Итакъ, чего-чего только низкаго расколъ не имѣетъ въ себѣ, и чего злого не порождаетъ! Какъ же вы, зная все это и видя правоту святой Церкви, коснѣете въ расколѣ изъ-за напраснаго страха—подпасть подъ клятву вашихъ родителей и наставниковъ? Повторяю вамъ,—вы убоялись страха, идѣже не бѣ страхъ. Посмотрите на людей, которые безъ всякой хитрости и безъ всякаго колебанія послушали голоса совѣсти и, увѣровавъ во святую церковь, присоединились къ ней, при самыхъ неблагопріятныхъ для жизни обстоятельствахъ, гонимые отъ родителей, преслѣдуемые и оскорбляемые всякими ругательствами отъ родственниковъ и знакомыхъ. Что же,—развѣ не живутъ они въ мирѣ совѣсти

и награжденные отъ Бога благоденствіемъ? Вѣдь у насъ, въ селѣ Городцѣ и окрестностяхъ, за послѣдніе 10 или 12 годовъ, обратившихся изъ раскола ко святой Церкви есть до 700 человѣкъ. Возьмите себѣ съ нихъ добрый примѣръ.

И это все, какъ и то, что писалъ прежде, написалъ я, побуждаемый любовію и состраданіемъ къ вамъ.

Еще мои воспоминанія о жизни въ расколѣ и замѣчанія о службахъ въ Городецкой часовнѣ.

III.

Возвращеніе въ Городецъ и усиленіе сомнѣній объ австрійскомъ священствѣ - Воспоминанія о безобразіяхъ въ австрійской церкви.—Рѣшимость оставить расколъ.—Пасхальная служба въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ.—Сѣтованіе родныхъ. —Смерть отца.—Присоединеніе къ церкви.

И такъ поѣздка въ Москву не могла успокоить моихъ сомнѣній о расколѣ, напротивъ, еще болѣе усилила ихъ. Послѣ этого, хотя и посѣщалъ я службу нашего австрійскаго попа и помогалъ ему служить, но уже постоянно чувствовалъ, что это служитъ фальшивый попъ. Особенно за обѣднями сталъ страшиться, когда пріобщали дѣтей мнимыми таинствами, при чемъ я былъ и дѣйствующимъ лицомъ,—держалъ платокъ и пѣлъ слова:«Тѣло Христово» и проч. Тутъ какъ громомъ поражала меня мысль: вотъ, вотъ мы всѣ провалимся сейчасъ, какъ и сыны Корреовы, восхитившіе не дарованное! Что же оставалось дѣлать? Думаю опять: лучше никуда не ходить! Но въ праздничные и воскресные дни оставаться безъ службы было невыносимо.

Однако ходить къ австрійскимъ уже совсѣмъ претило мнѣ: было невыносимо видѣть наряженнымъ въ священническую ризу грубаго и малограмотнаго мужика! Если спросить другихъ, именно бѣглопоповцевъ: какъ они смотрятъ на нашихъ отцовъ?—такъ съ тѣми ужъ и не говори: засрамятъ! Ужели и на самомъ дѣлѣ ваши попы имѣютъ искусъ въ духовныхъ дѣлахъ?—говорятъ они,—вѣдь это все мужики!—И самъ я видѣлъ, что дѣйствительно мужики,—не лучше тѣхъ рогожскихъ дьячковъ, съ которыми познакомился въ Москвѣ. Зналъ я и самого владыку-Кирилла,—ходилъ къ нему, какъ епископу, за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ. Оказалось, что и это мужикъ | ничего не понимающій,—онъ даже самъ сказалъ мнѣ о себѣ: «какіе мы архіереи»!..

Припомнились тогда и разныя безобразія, которыхъ былъ я свидѣтелемъ, служа съ австрійскимъ попомъ. Напримѣръ, какъ только пришелъ первый великій постъ, и попу нужно было приготовить запасные агнцы для преждеосвященныхъ, то оказалось, что мы оба даже и не слыхалы о преждеосвященныхъ литургіяхъ, какъ ихъ отправлять, а какъ приготовлятъ агнецъ—и понятія не имѣемъ. Мнѣ, конечно, не было и нужды знать это; но можно-ли попу-то не знать? Какъ онъ со всѣмъ этимъ управился?—теперь и вспомнить стыд-

но. Наружу, конечно, ничего не вышло, и прихожане думали, что все сдѣлано по настоящему... Тогда Благовѣщеніе случилось въ среду,—и мой мнимый батюшка въ этотъ праздникъ служилъ тоже преждеосвященную обѣдню! Затѣмъ на Пасхѣ оба мы не знали, что намъ дѣлать съ царскими дверями: во всю ли седмицу оставить ихъ растворенными и не нужно ли когда затворить? Думали: не никоніанскій ли это обычай—оставлять растворенными? Хотѣли отъ единовѣрцевъ узнать; да побоялись, что догадаются, почему спрашиваемъ,—еще обезславятъ, что службу править не умѣемъ, или, пожалуй, на смѣхъ скажутъ не вѣрно. Наконецъ-то кое-какъ отыскали объ этомъ въ Служебникѣ. А потомъ, послѣ Пасхи, что еще случилось! Батюшка нашъ захотѣлъ прогуляться, подышать весеннимъ воздухомъ съ однимъ гостемъ, раскольническимъ монахомъ, и вышло у нихъ, должно быть, шумненько. На другой день оказалось, что батюшка съ гостемъ сидятъ въ арестанской у пристава. Утромъ приходитъ ко мнѣ, весьма разстроенный, попечитель Овчинниковъ, и говоритъ: «Ты слышалъ-ли, что нашито дураки сидятъ съ вечера арестованные?—ихъ пьяныхъ арестовалъ урядникъ! Вотъ сейчасъ вызывалъ меня приставъ и сказалъ, что пріѣдетъ къ намъ въ церковь съ понятыми». Я спрашиваю: такъ что же теперь дѣлать?

Овчинниковъ говоритъ: «Я барину сказалъ, что у насъ вѣдь церковь не убрана стоитъ, — какъ вчера служили, такъ и остается».— Что же онъ?—спрашиваю. Овчинниковъ говоритъ: «Баринъ отвѣтилъ мнѣ: убери, что понужнѣе, успѣешь еще: я поѣду минутъ чрезъ 10, да и искать много не будемъ. А тамъ кто его знаетъ? Такъ вотъ ты ступай поскорѣе и прибери все». Я побѣжалъ въ квартиру, гдѣ помѣщалась наша церковь. Сначала заперъ извнутри ворота,—церковь была во второмъ этажѣ,—пусть, думаю, тамъ стучатъ! Вбѣжалъ въ зало, гдѣ разставлена церковь, ножомъ перерѣзалъ пеньковыя веревки, на которыхъ растянутъ былъ парчевый алтарь, обвѣшанный мелкими иконами, свертѣлъ весь алтарь, завернулъ въ него иконы, антиминсъ, сосуды, дискосъ и проч. и бросилъ въ кухнѣ на печь, закидавъ старыми сарафанами, шубами, валеной старой обувью; престолъ и жертвенникъ поставилъ къ сторонѣ; облаченія, кадило и проч. захватилъ съ собою на чердакъ. А у воротъ уже стучатъ. Старикъ сторожъ безтолковый не понимаетъ, что я дѣлаю, и пошелъ отпирать ворота. Тогда я на чердакѣ легъ въ тесовый карнизъ, а карнизъ сталъ отдираться: того и гляди полечу на землю со второго этажа и съ ризами! Выскочивъ изъ карниза, я сѣлъ за трубою. Прислушиваюсь, что происходитъ внизу: слышу

только шорохъ, да разговоръ какой-то, потомъ и все замолкло. Оказалось, что баринъ былъ вѣренъ своему слову: ушелъ съ понятыми изъ квартиры очень скоро, и церкви, заваленной шубами и сарафанами, не нашелъ. И попа въ тотъ же день съ монахомъ освободили. Послѣ мы церковь опять поставили и начали служить по прежнему.

Всѣ эти возмутительныя безобразія вспомнились мнѣ, когда, возвратившись изъ Москвы, я утвердился въ мысли, что старообрядцы несправедливо отдѣлились отъ православной церкви, а австрійское священство есть ложное священство. Тогда, не насилуя болѣе совѣсти, я рѣшилъ не ходить уже къ австрійскимъ за службу. Но идти прямо въ церковь не имѣлъ еще рѣшимости въ виду того, что отецъ, какъ обѣщалъ, выгонитъ меня за это изъ дома съ малолѣтними дѣтьми и самую торговлю у меня отберетъ. Итакъ, я пересталъ ходить къ австрійскимъ на богослуженіе, а идти въ церковь, куда влекла меня совѣсть, не рѣшался. И напала на меня, особливо въ праздники, невыносимая тоска, что стали замѣчать и домашніе.—Между тѣмъ наступали праздники; шелъ великій постъ; приближалась Пасха: мнѣ стало невыносимо, —и, забывъ всѣ житейскіе разсчеты, я рѣшилъ на Пасху осуществить мой переходъ въ пра-

вославную церковь. Однако о своемъ намѣреніи рѣшился никому не сказывать.

На страстной недѣлѣ австрійскіе стали усердно просить меня, чтобы у нихъ послужилъ, и обѣщали за это хорошее вознагражденіе; я рѣшительно отказался, поблагодаривъ за предложеніе. Нѣкоторые изъ нихъ обратились тогда къ моей женѣ,—просили ее, чтобы меня уговорила идти къ нимъ послужить въ Пасху, обѣщая заплатить за это сколько мнѣ угодно. Жена моя, несмотря на то, что австрійщины принять со мной не согласилась и никогда не принимала, а держалась бѣглопоповства, передала мнѣ ихъ просьбу. Этимъ она открыла мнѣ нѣкоторое удобство для перехода въ церковь, такъ какъ теперь я могъ идти за службу къ православнымъ, и семейные не будутъ смущаться, полагая, что я ушелъ къ австрійцамъ. Удивительное дѣло!—все мое семейство,—и родители, и жена моя, и родственники—всѣ бѣглопоповцы; но для нихъ не возмутительно было мое хожденіе къ австрійскимъ, а чтобы идти въ православную церковь,—этого никакъ допустить не могли.

Въ великую субботу, 17 апрѣля 1883 года, поздно вечеромъ собрался я и пошелъ въ близъ лежащій Ѳеодоровскій монастырь. Шелъ я въ темнотѣ, одинъ, со страхомъ и опасе-

ніями. Шелъ долго; но вотъ наконецъ и монастырь. Сильно утомленный, вхожу въ ограду, а затѣмъ и въ самый Александро-Невскій соборъ, среди котораго стояли слабо освѣщенная плащаница и животворящій крестъ; предъ ними происходило чтеніе Дѣяній св. Апостолъ. Много разъ и прежде бывалъ я въ этомъ храмѣ; но ничего подобнаго не ощущалъ, какъ теперь. Правда и въ прежнее время, обозрѣвая этотъ и другіе подобные храмы, я невольно размышлялъ: ужели и въ самомъ дѣлѣ вся эта святыня еретическая, какъ думаютъ и говорятъ наши старики?—но теперь въ душѣ моей было совсѣмъ иное чувство, ибо я пришелъ не ради празднаго любопытства, а явился какъ раскаявшійся блудный сынъ къ оклеветанной врагами и завистниками нашей святой матери—искать примиренія съ нею и просить разрѣшенія въ моемъ непокореніи ей, въ такихъ же хулахъ и оскорбленіяхъ, какими поносятъ ее доселѣ раскольники. Истинно, я ощущалъ тогда какое то теперь неописуемое чувство—и страхъ, и надежду.

Вскорѣ послѣ меня вошелъ въ церковь о. игуменъ (нынѣ архимандритъ) Ѳеодосій. Онъ прошелъ въ алтарь, потомъ вышелъ на правый клиросъ. Я рѣшился было подойти объяснить мое дѣло,—пошелъ, но опять вернулся; никакъ не осмѣлюсь подойти. Потомъ о.

архимандритъ, побывъ въ церкви не очень долго, направился къ дверямъ. Я пошелъ за нимъ, и остановивъ его въ притворѣ церковномъ, сталъ просить у него благословенія—молиться въ его обители за богослуженіемъ. О. архимандритъ съ удивленіемъ спросилъ: «да вѣдь вы, кажется, старообрядецъ,—возражаете нашимъ миссіонерамъ»? Я отвѣтилъ: былъ, дѣйствительно, въ расколѣ, но теперь желаю быть православнымъ, и потому прошу васъ разрѣшить мнѣ молиться вмѣстѣ съ вѣрными. О. архимандритъ сказалъ: весьма радъ! —и благословилъ меня крестообразно. Съ этого момента, какъ получилъ я первое благословеніе отъ православнаго пастыря, храмъ для меня сдѣлался уже совсѣмъ инымъ храмомъ. И какое радостное чувство испыталъ я тогда, не повѣмъ врагамъ тайны сея; а православному всякому оно вѣдомо, когда получаетъ разрѣшеніе на исповѣди отъ своего отца духовнаго въ содѣянныхъ, особенно тяжкихъ грѣхахъ...

И такъ въ самый день воскресенія Своего Господь Іисусъ Христосъ воскресилъ и мою душу, умершую отъ раскольническаго яда, и какъ извелъ изъ ада души умершихъ, такъ извелъ и меня изъ тьмы погибельнаго и смертоноснаго раскола, сподобилъ воспѣвать вмѣстѣ съ вѣрными: «смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе»! Такъ я, радуясь

о моемъ отъ раскольническихъ узъ освобожденіи, простоялъ всепраздственное утреннее служеніе Святой Пасхи и самую божественную литургію въ православной церкви.

Возратившись домой, я похристосовался съ родителями и семейными; но не сказавъ имъ, гдѣ былъ за службою. И они еще ни отъ кого не слыхали о томъ, потому были спокойны. Только жена полюбопытствовала спросить: что рады были тебѣ такіе-то и такіе-то изъ австрійскихъ? Я, улыбнувшись, сказалъ: не знаю рады ли! Дальше она мнѣ и досказать не дала,—глядитъ въ глаза, сама перемѣнившись въ лицѣ, оставила и чай пить. «Что ты надѣлалъ»?—говоритъ. А что?—спрашиваю,—я ничего не надѣлалъ.—«Какъ не надѣлалъ? Да вѣдь ты былъ за службой въ церкви»!—Да, говорю, въ церкви! Такъ что же изъ этого? Вотъ еслибы я нигдѣ не былъ, это было бы хуже. А я теперь осуществилъ свое давнишнее желаніе, и желаніе святое. Такъ я успокоилъ нѣсколько жену. Родителямъ она не сказала, и все шло у насъ спокойно до ужина. За ужиномъ былъ у насъ родной дядя, братъ матери. Онъ пришелъ на праздникъ помолиться въ часовнѣ верстъ за 17,—такъ дѣлаютъ очень многіе старообрядцы. За ужиномъ дядѣ вздумалось подшутить надо мной на счетъ австрійскаго служенія въ Городцѣ.—«Ну что, говоритъ, много ли васъ

тамъ собралось у Кубаткиныхъ-то? *) А ты бы, дружокъ, шелъ опять въ часовню! Какое у насъ торжество-то было! — крестный ходъ былъ вокругъ часовни, горѣли бочки, отличная иллюминація! Два священника служили! На каждой пѣсни мѣняли на священникахъ дьячки драгоцѣнныя ризы! Сколько горѣло свѣчъ! сколько народу! А вы тамъ что? Возгордились и ушли отъ часовни-то съ своимъ Овчинниковымъ»! Я спросилъ: а была ли у васъ обѣдня-то? Дядя говоритъ: «Нѣтъ,— обѣдни не было; а были часы и оба попа читали Евангеліе»! Тогда я сказалъ дядѣ: «Тутъ нечему радоваться, что васъ собралось много народу и что много вы сожгли смоляныхъ бочекъ! Вамъ бы лучше подумать о вѣчномъ огнѣ, какъ бы онъ не сожегъ васъ за то, что вмѣсто законныхъ священниковъ принимаете бѣглецовъ, Богъ знаетъ какихъ! Вы вотъ и сами говорите, что у васъ въ такой день и обѣдни не было; а у насъ служилъ литургію даже не одинъ священникъ, а 7 и 4 діакона»! Дядя спросилъ: «отколь это у васъ»!— Но не успѣлъ я отвѣтить, какъ начался плачъ, —наши поняли, гдѣ я былъ за службою! Отъ родителя же посыпались проклятія и угрозы.

---

*) Фамилія домохозяина, у котораго въ домѣ помѣщалась австрійская церковь, сюда ходило всего около 15 раскольническихъ семействъ

Дядя сидитъ, какъ ошеломленный,—сразу не понялъ еще въ чемъ дѣло; а потомъ, какъ узналъ, тоже присоединился къ нимъ. Я было старался ихъ успокоить; но ничто не помогло,—говорятъ: «Хоть бы ты подождалъ нашей смерти! тогда что хотѣлъ бы, то и дѣлалъ. А теперь постыдился бы исполнять такое варварское намѣреніе предъ очами родителей,—принять печать антихристову и покланяться ему, да еще въ такой праздникъ»! и т. под. Выждавъ болѣе спокойныя минуты, я объяснилъ имъ: печати антихристовой я не принималъ и антихристу не покланялся, а праздновалъ и покланялся воскресшему тридневно изъ мертвыхъ Христу, въ Его кровію окропленной церкви. Но мои объясненія не произвели никакого дѣйствія, да и были преждевременны. Тогда я постарался уйти, и какъ можно рѣже являться на глаза родителямъ,—думаю, что самое время успокоить ихъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Хотя родитель относился ко мнѣ очень сухо, но въ запальчивое состояніе болѣе никогда не входилъ. Спустя нѣсколько времени его постигла тяжкая болѣзнь, а затѣмъ и смерть. Подѣйствовать на него я не могъ,—онъ такъ и померъ въ расколѣ и погребенъ при Городецкой часовнѣ бѣглымъ попомъ Степаномъ.

Черезъ годъ послѣ этого я окончательно присоединился къ святой церкви чрезъ таин-

ство мvропомазанія и сподобился пріобщенія тѣла и крови Христовыхъ. При соединеніи былъ въ городецкомъ соборномъ храмѣ священникомъ этого храма о. Апполоніемъ Соколовскимъ (нынѣ протоіерей въ г. Казани въ каѳедральномъ казанскомъ соборѣ.) А теперь, когда пишу эти воспоминанія, съ утѣшеніемъ вижу и всю мою семью, жену и дѣтей, принадлежащими къ православной церкви.

Послѣ перехода моего изъ раскола въ церковь, отъ раскольниковъ посыпались на меня брань, поношенія и всякаго рода оскорбленія, —кто какъ умѣлъ, такъ и изливалъ свою безразсудную злобу: и въ глаза мнѣ, и заочно называли меня (да и теперь, спасибо, называютъ) и антихристомъ, и оборотнемъ, гордецомъ, легковѣрнымъ, суевѣрнымъ, зачитавшимся, сумасшедшимъ, еретикомъ, бусурманиномъ, безбожникомъ, гонителемъ, даже, наконецъ, продавшимся, т. е будто бы и самый переходъ мой въ церковь основанъ на сребрѣ, —кто оцѣниваетъ въ одну, кто въ нѣсколько тысячъ. Думается мнѣ, тутъ говоритъ въ нихъ не одна вражда ко мнѣ, но есть и сожалѣніе, что я оставилъ ихъ общество. А это сожалѣніе внушаетъ и мнѣ любовь къ нимъ, руководясь которою я желаю сказать имъ нѣчто полезное для нихъ. Я намѣренъ именно, какъ близко знакомый съ дѣломъ, обозрѣть чины и уставы раскольническаго слу-

женія, какъ они совершаются въ знаменитой Городецкой часовнѣ. Надѣюсь, изъ этого обозрѣнія и сами старообрядцы увидятъ, что службы свои они совершаютъ въ явное нарушеніе правилъ соборныхъ (Гангр. соб. пр. 5 и 6) и въ посмѣяніе уставовъ, изложенныхъ въ самыхъ, чтимыхъ ими, старопечатныхъ книгахъ; увидѣвъ же сіе, можетъ быть, оставятъ свое самочиніе, обратятся къ истиннымъ служителямъ церкви Христовой, къ законнымъ совершителямъ таинъ церковныхъ, дабы подъ ихъ водительствомъ достигнуть вѣчнаго спасенія.

IV.

Городецкая часовня.—Ея устройство и управленіе.—Какъ отправляется всенощная въ Городецкой часовнѣ: указаніе прибавленій и убавленій противъ Устава.

Городецкая часовня существуетъ съ 1780 года. Кто были ея основатели и устроители, объ этомъ и сами старообрядцы не знаютъ и имена ихъ ими не упоминаются. Стоитъ она на одномъ изъ городецкихъ прекрасныхъ холмовъ, при рѣкѣ Волгѣ. Въ 1884 г. обнесена высокой каменной оградой на средства г-на Бугрова. При ней обширное кладбище съ вѣковыми, густо стоящими березами. Ее видно съ Волги верстъ на 15. По наружности она представляетъ какъ бы три большіе амбара, одинъ пониже другого, соединенные вмѣстѣ

и образующіе въ кровлѣ уступы; на верху устроена глава съ осьмиконечнымъ крестомъ. Стоитъ она такъ же, какъ и православные храмы, на востокъ. Внутри, по передней стѣнѣ, устроенъ иконостасъ въ 5 ярусовъ, на подобіе тоже православнаго храма, амвонъ и клиросы; на возвышеніи двухъ ступеней, посреди клиросовъ, предъ царскими вратами, стоитъ столъ, имѣющій подобіе престола; на немъ крестъ и Евангеліе въ большихъ посеребреныхъ доскахъ. Предъ иконами лампады и подсвѣчники; есть и паникадила. Второе отдѣленіе часовни носитъ названіе трапезы. Оно отдѣлено отъ перваго капитальною стѣною съ большою аркою по срединѣ. Здѣсь, въ трапезѣ, стоитъ плащаница съ правой стороны, тутъ же происходитъ свѣчная торговля,—стоитъ сундукъ вмѣсто ящика: свѣчами торгуетъ староста, приставленный попечителями. Въ трапезѣ за службами стоятъ женщины. Попечители часовенные избираются прихожанами, и они-то распоряжаются всѣмъ, касающимся духовныхъ дѣлъ,—опредѣляютъ и увольняютъ всякихъ служителей, наставниковъ, дьячковъ, сторожей и проч.; на ихъ усмотрѣніи—имѣть ли какого «батюшку», или не имѣть. Все это въ ихъ власти. А между тѣмъ эти патріархи и духовные судіи старообрядцевъ люди не только не имѣющіе никакого понятія о религіи, но даже не умѣющіе

путемъ прочитать и 50-й псаломъ. Былъ случай: понадобилось попечителямъ отыскать въ Кормчей правило, и у нихъ возникъ вопросъ: что такое «двенадесятое» число? Одни говорятъ двѣнадцатое, а другіе: нѣтъ, двадцатое!

Теперь взойдемъ мы съ тобой, именующійся послѣдователь древняго благочестія, въ эту часовню и посмотримъ, какъ совершается въ ней церковное служеніе. Вотъ посмотримъ сначала, какъ идетъ у васъ всенощная.

Ты думаешь, какъ и я думалъ и вѣрилъ, что у васъ служба отправляется по древнему Уставу, вся сполна и безъ пропусковъ, такъ что и разубѣдить тебя нѣтъ никакой возможности, ибо ты видишь, что служатъ въ часовнѣ по древнимъ безъ перевода книгамъ. Но такъ ли служатъ, какъ въ этихъ книгахъ изложено?—вотъ этого-то ты, по усвоенной привычкѣ, не видишь и не знаешь. Въ службѣ руководствуются книгою «Уставъ, или церковное око». Книга эта слишкомъ въ 900 листовъ,—и нигдѣ ты въ ней не найдешь, чтобы отправлять церковную службу могъ не священникъ, законно поставленный, а мужикъ, котораго опредѣлили служить мужики же богатые, ваши попечители. Вотъ онъ, этотъ мужикъ—большакъ, выходитъ въ бористомъ кафтанѣ, и полагаетъ обычный началъ, который считается у всѣхъ раскольниковъ за непремѣннѣйшее правило, а иногда повторяется

и даже утрояется. Во время начала, этотъ мужикъ всѣхъ васъ прощаетъ, говоря вслухъ: Богъ васъ проститъ!—И вся разноцвѣтно наряженная толпа, стоящая съ подручниками, кланяется въ землю этому старику, который сталъ на амвонѣ, гдѣ совсѣмъ ему не мѣсто. Потомъ онъ встаетъ предъ «престоломъ», снимаетъ покровы съ Евангелія и крестовъ и засвѣчаетъ предъ ними свѣчи. Подаютъ ему, яко іерею, кадильницу на ручкѣ, и вотъ этотъ старикъ въ валенкахъ кадитъ мнимый престолъ, какъ положено въ Уставѣ, крестообразно и храмовыя иконы. По окончаніи этой первой церемоніи встаетъ онъ предъ одною изъ иконъ,—и что же? Не смотря на то, что доселѣ дѣйствовалъ какъ священникъ, по Уставу, теперь вмѣсто положенныхъ Уставомъ въ чинѣ всенощнаго словъ: «Востаните, Господи благослови» и «Слава святей», и проч., онъ говоритъ только «За молитвъ святыхъ»; а съ клиросовъ отвѣчаютъ ему: аминь. Старикъ возвращается къ Уставу, начинаетъ возгласъ: «Пріидите, поклонимся»; поютъ псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа», а старикъ начинаетъ кадить по всей часовнѣ иконы, предстоящихъ же почему-то не удостоиваетъ кажденія. На клиросахъ продолжаютъ пѣніе и чтеніе перваго псалма съ не-не-найками, но опять не такъ, какъ положено въ Уставѣ: всѣхъ стиховъ сполна не выпѣваютъ,

И вотъ вамъ первый образчикъ небреженія къ службѣ.

Оканчивается псаломъ съ пропѣтыми самовольно избранными стихами. По Уставу полагается теперь великая ектенія: «Миромъ Господу помолимся». А у васъ что дѣлаютъ? Вмѣсто ектеніи, только отсчитываютъ по лѣствкѣ 12 разъ «Господи помилуй»; а ты, богомолецъ, разумѣй, что это и есть великая ектенія, спрашивать же не смѣй: почему ея не читаютъ? Но я все-таки спрошу: гдѣ же у васъ исполненіе Устава?

Затѣмъ выходитъ на средину съ аналоемъ чтецъ, сказываетъ 1-й псаломъ: «Блаженъ мужъ». Первую каѳизму прочитаютъ всю; но и здѣсь безъ пропусковъ не обходится, о чемъ богомольцы даже и не знаютъ,—а пропускъ весьма видный, ибо здѣсь по Уставу положено сказывать три ектеніи, которыя также пропускаются и даже ничемъ не замѣняются. Ты, старообрядецъ, привыкъ къ такимъ пропускамъ; а знающему службу тяжело смотрѣть на такіе ваши пропуски.

Дальше по Уставу положено пѣніе: «Господи воззвахъ». Пѣвцы, исполнивъ длинное пѣніе воззваховъ, начинаютъ пѣть стихиры съ канонархомъ,—и такое пѣніе едва ли не въ одной Городецкой часовнѣ можно слышать. Толпа дьячковъ окружаетъ мальчика съ книгою, который, оборотясь къ нимъ, визжитъ

совсѣмъ не въ тонъ, разсказывая стихиру, а пѣвцы въ то же самое время, смотря кто въ книгу, кто на мальчика, безостановочно кричатъ не своими голосами,—разслушать и понять изъ этого пѣнія что-нибудь чрезвычайно трудно, и народъ стоитъ, дѣйствительно, ничего не понимая. А какія умилительныя пѣсни искажаются такимъ пѣніемъ! Вотъ напр., если бы часовенные всѣ слушали, какъ слѣдуетъ, хоть слѣдующую стихиру, поемую въ Троицынъ день на воззвахъ: «Духъ Святый вся подаетъ, собираетъ соборъ церковный, некнижныя мудрости научаетъ, священниковъ совершаетъ» и проч. Если бы, при толковомъ пѣніи, старообрядцы выслушали и поняли эту стихиру, они спросили бы себя: поставляетъ имъ Духъ Святый священниковъ? гдѣ они? и не обличаетъ ли ихъ сія церковная пѣснь? Но ихъ пѣвцы съ канонархомъ только кричатъ и не даютъ имъ ничего понять. Послѣднюю стихиру поютъ посреди часовни обѣ партіи дьячковъ, и тутъ же затѣмъ поютъ «Свѣте тихій». Въ это время, по Уставу, полагается выходъ съ кадиломъ; а у васъ не только выхода не дѣлаютъ, но и кажденія не бываетъ. Гдѣ же исполненіе Устава? Не есть ли все это самовольство? А также, когда бываетъ чтеніе паремій, возглашеній не дѣлаете и ничѣмъ оныхъ не замѣняете. Сугубую эктенію также пропускаете, а только по лѣстовкѣ

считаете 40 разъ «Господи помилуй». Замѣчу здѣсь кстати, что когда я перешелъ въ австрійщину, то положительно не зналъ, какъ произносятъ ектеніи, и по скольку разъ на прошеніи слѣдуетъ пѣть «Господи помилуй». А вѣдь мы, часовенные, думали, что противъ насъ никто не можетъ знать Уставъ церковный! Мнѣ случалось даже слышать отъ сослуживцевъ по Городецкой часовнѣ, что ектенія-то и служба «Никоніанская», а не «христіанская».

Положенныя Уставомъ литіи у васъ совершаются. Но какъ? Вотъ пѣвчіе въ поддевкахъ сходятъ на средину часовни, раскрываютъ предъ собою огромную крюковую книгу; передъ ними являются два свѣщеносца-сторожа съ высеребренными подсвѣчниками и зажженными свѣчами, и идутъ въ трапезу, а за ними вереницей съ пѣніемъ идетъ эта дьячковская процессія, и тамъ въ трапезѣ продолжаетъ пѣніе такимъ же строемъ, какъ пѣли первыя стихиры. А дальше опять издѣвательство надъ Уставомъ. Въ Уставѣ положено читать: «Спаси, Боже, люди Твоя» и проч.; а у васъ эти моленія за царя и за вся власти, за воинство, епископовъ и всѣхъ православныхъ оставлены,—опять только по лѣстовкамъ поете: «Господи помилуй». По Уставу, священникъ говоритъ: «миръ всѣмъ». У васъ это оставляется. Скажите же: по Уставу ли тво-

рится у васъ эта самопроизвольная мужицкая литія? Скажутъ, что вѣдь это могутъ совершать только одни священники. Правда; но такимъ сознаніемъ вы только самихъ себя обличаете въ неимѣніи священниковъ и умножаете вину за свои самовольныя службы. Вѣдь это службы общественныя, а не частныя, домашнія, какія можно совершать и безъ священника, но и то лицамъ, принадлежащимъ къ церкви, состоящимъ въ общеніи съ законнымъ священствомъ.

Далѣе, согласно Уставу, поются стиховны съ канонархомъ, опять шумно и непонятно. По окончаніи стиховны, пѣвцы расходятся по клиросамъ, чтецъ читаетъ: «нынѣ отпущаеши». Благословенія хлѣбовъ не бываетъ никогда; но тропарь, какой положенъ Уставомъ, поютъ 3 раза. Затѣмъ прочитываютъ половину 33-го псалма, и прямо начинаютъ шестопсалміе среди часовни; слова же священника: «Благословеніе Господне на васъ» и по сіе время не придумали чѣмъ замѣнить. По окончаніи шестопсалмія, третій разъ аллилуія для торжественности поютъ весьма длинно; а въ это время читавшій шестопсалміе становится съ подручникомъ предъ царскими дверями, дѣлаетъ два поклона обыкновенныхъ и третій въ землю, потомъ кланяется земнымъ же поклономъ на правый клиросъ; иногда такую церемонію исполняютъ двое вмѣстѣ, при чемъ

дѣлается еще одинъ поклонъ лишній, а именно: эти два брата должны еще тутъ же одинъ другому поклониться тоже въ подручникъ до земли. Бываетъ, что тутъ мальчикъ—сынъ и отецъ кланяются другъ другу, и послѣ мальчишка смѣется надъ отцомъ: «вотъ, и ты мнѣ кланялся до земли»! Но укажите мнѣ вы, мнящіеся хранители древняго Устава, гдѣ указано Уставомъ дѣлать такія поклоненія, которымъ вы усвояете великую важность? Нигдѣ такого указанія не найдете въ немъ. Это вашъ самоизложенный Уставъ.

Послѣ пропѣтаго длинно «аллилуія», опять по лѣстовкѣ отсчитываютъ 12 разъ «Господи помилуй» вмѣсто положенной Уставомъ ектеніи. Выступаетъ уставщикъ, сказываетъ: «Богъ-Господь» и прочіе стихи; онъ же читаетъ тропари, а концы оныхъ поютъ по клиросамъ. Чтеніе каѳизмъ бываетъ тоже среди часовни. Положенныхъ Уставомъ ектеній, разумѣется, не бываетъ и ничѣмъ они не замѣняются.

Затѣмъ начинается, положенное Уставомъ чтеніе толковаго Евангелія,—его читаютъ, какъ проповѣдь, среди часовни, оборотясь къ народу, нараспѣвъ. Но тутъ богомольцы постарше разсаживаются и своимъ храпомъ вторятъ чтецу; а всѣ, кто помоложе, выходятъ изъ часовни еще при самомъ началѣ каѳизмъ, всякій куда желаетъ: въ лѣтнее время собираются кружки около часовни и дру-

гихъ зданій, въ кружкахъ происходятъ неприличныя игры съ шутками и смѣхомъ; а что еще дѣлается, о томъ говорить не буду. На женской же половинѣ въ это время идетъ непрестающій говоръ о новостяхъ и разныхъ женскихъ мелочахъ. Если кто самъ не видалъ этого рынка, тотъ и представить себѣ не можетъ, что это такое... Такъ ведутъ себя и первыя купчихи, жены попечителей, размалеванныя, въ шитыхъ золотомъ шелковыхъ платкахъ, въ сарафанахъ, отдѣланныхъ серебряными позументами и вызолоченными пуговицами, чуть не по грецкому орѣху, въ окаймленныхъ золотой бахрамой тѣлогрѣйкахъ на дорогомъ мѣху. Кромѣ любезныхъ разговоровъ нерѣдко происходитъ шумъ изъ-за наслѣдственныхъ мѣстъ въ часовнѣ, изъ-за стульчиковъ, на которыхъ сидятъ во время этого и другихъ подобныхъ чтеній. Вотъ ты, почтенный старообрядецъ, и разсуди о томъ, какъ происходитъ у васъ это чтеніе и что вы дѣлаете во время этого чтенія.

Затѣмъ въ великіе праздники, предъ полiелеемъ, староста, илй его слуга, разноситъ по часовнѣ богомольцамъ свѣчи, съ которыми требуется стоять для большей торжественности, во время «Хвалите имя Господне» и величанія. Заженныя свѣчи каждый держитъ непремѣнно предъ своимъ ликомъ правою рукою, сложенною двоеперстно. Случается, что

пріѣзжій богомолецъ не знаетъ такого «христіанскаго» устава и держитъ свѣчу не противъ своихъ устъ и не двоеперстно: такъ его немедленно же заставятъ исправиться и держать свѣчу, какъ слѣдуетъ, «по уставу» городецкому. Уставщикъ начинаетъ пѣть одинъ 1-й стихъ: «Хвалите имя Господне», а потомъ уже другіе продолжаютъ пѣть нѣсколько стиховъ. Въ Уставѣ сказано, что поются два псалма: «Хвалите имя Господне» и «Исповѣдайтеся Господеви», съ припѣвомъ «аллилуіа»; но какіе стихи пѣть, этого въ уставѣ не сказано. Въ Городецкой часовнѣ старообрядцы поютъ различно: въ псалмѣ «Исповѣдайтеся Господеви» поютъ иногда 6 стиховъ, иногда только 4, по своему произволу. Икону празднуемаго дня кладутъ на аналой, поставленный посрединѣ, а передъ нею поютъ величаніе, по примѣру, какъ въ православныхъ храмахъ дѣлается: сначала два дьячка, уставщики, или головщики, въ форменныхъ общественныхъ кафтанахъ малиноваго цвѣта, съ вызолоченными пуговицами (это торжественное одѣяніе, сдѣланное только для двухъ лицъ, хранится въ часовнѣ); кончивъ свое пѣніе, они кладутъ два земныхъ поклона предъ иконою и, перекрестясь, начинаютъ прикладываться къ иконѣ такимъ порядкомъ: прежде сдѣлаетъ простое поклоненіе брату, и тотъ ему отвѣтитъ такъ же (это поклоненіе значитъ: «бла-

гослови»), потомъ и второй братъ дѣлаетъ то же самое; опять оба вмѣстѣ дѣлаютъ земной поклонъ иконѣ и еще такой же поклонъ, не крестясь, аналою, и въ заключеніе всего земные поклоны другъ другу. Послѣ этого одинъ уходитъ на клиросъ, а другой остается тутъ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ у православныхъ стоитъ священникъ во время помазанія елеемъ. И, когда пойдутъ покланяться предъ иконой богомольцы (также по два и такимъ же порядкомъ, какъ и эти уставщики), то кланяются въ землю этому наряженному уставщику, и онъ имъ отвѣчаетъ поклономъ же, только не земнымъ. Вообще онъ изображаетъ изъ себя будто священника. При этомъ онъ дѣлаетъ прикладывающимся нѣкотораго рода услугу: держитъ въ рукѣ отъ восковой свѣчи огарокъ и указываетъ этимъ огаркомъ на иконѣ то мѣсто, къ которому по его усмотрѣнію должны всѣ прикладываться. Потомъ переносятъ икону въ женское отдѣленіе, и тамъ происходитъ та же церемонія. Но скажите вы, хвалящіеся исполненіемъ Устава, гдѣ вы нашли въ этомъ Уставѣ указаніе кланяться послѣ величанія въ землю? И гдѣ тамъ говорится о вашихъ подручникахъ? А вѣдь у васъ, когда поютъ ваши разряженные по-кучерски уставщики, выносятся изъ особаго хранилища, точно святыня какая, очень большихъ размѣровъ разукрашенные подруч-

ники, въ которые богомольцы и удостоиваются кланяться только въ это время. Нигдѣ вы не найдете въ Уставѣ ничего объ этихъ лоскуткахъ, съ которыми у васъ сопряжено столько разныхъ правилъ, строго соблюдаемыхъ, такъ что если кто не выполнитъ ихъ, удостоится, пожалуй, имени безбожника. У васъ есть правила, какой стороной класть подручникъ на полъ и на лавку, есть правила, что никакъ нельзя ни сѣсть на него, ни перешагнуть черезъ него, когда лежитъ на полу. Вотъ это какая великая вещь! И такихъ то пустыхъ своихъ уставовъ вы вѣрные исполнители, навязываете ихъ всякому; а что дѣйствительно Уставъ повелѣваетъ, то, нимало не стѣсняясь, оставляете.

Послѣ положеннаго Уставомъ сѣдальна и вы поете на оба клироса антифоны: «Отъ юности моея» и «Ненавидящія Сіона посрамитеся отъ Господа» и проч. Подумай, старообрядецъ, объ этихъ словахъ. Кто посрамится отъ Господа?—и не только посрамится, но и изсохнетъ, яко трава? Тотъ, кто ненавидитъ Сіона. Что же?—не о себѣ ли ты поешь это? Ибо если спроситъ тебя: есть ли въ Іерусалимѣ православная церковь и священноначаліе, съ тобой единомысленное?—ты скажешь: нѣтъ! Не думаешь ли ты, что эти слова поются о горнемъ, небесномъ Іерусалимѣ, или Сіонѣ? Но кто же можетъ нена-

видѣть горній, небесный Сіонъ? Нѣтъ, здѣсь говорится о томъ Сіонѣ, который пріялъ первый оставленіе грѣховъ воскресеніемъ (стих. гласъ 8 воскр.),—разумѣется Іерусалимская церковь, которую вы отвергаете, ненавидите. Вотъ и выходитъ, что о себѣ поете вы пѣснь сію: «Ненавидящія Сіона посрамитеся отъ Господа». Бойтесь же, чтобы не сгорѣть, какъ трава!—возлюбите Сіонъ! оставьте расколъ!

Но будемъ смотрѣть, что далѣе творится у васъ. Уставщикъ беретъ Евангеліе и кладетъ его на аналой, потомъ сказываетъ прокименъ, который и поютъ пѣвцы; но ни возгласа «О сподобитися» и проч., ни «Миръ всѣмъ»,—ничего этого не говоритъ; возгласъ же замѣняется молитвой Іисусовой. Гдѣ тутъ послѣдованіе Уставу?

По 6 пѣсни канона среди часовни читаютъ Прологъ, такимъ же порядкомъ, какъ и толковое Евангеліе. А въ это время богомольцы и пѣвцы выходятъ изъ часовни,—опять гулянье! Иногда случается: чтеніе кончено, а пѣвцовъ нѣтъ!—7-ю пѣснь ирмоса и пѣть некому!..

Думаю, нѣтъ надобности говорить, какъ дальше идетъ у васъ всенощная; сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ мало въ дѣйствительности соблюдается у васъ Уставъ, изложенный въ старопечатныхъ книгахъ, хотя

вы и хвалитесь точнымъ будто бы исполненіемъ. Развѣ сказать только, какъ вы кончаете всенощную. Вы кончаете ее, разумѣется, «началомъ», которое сами возвели въ непремѣнный церковный законъ. Только этотъ «началъ» теперь, на концѣ всенощной, полагается у васъ, въ Городецкой часовнѣ, не одинъ разъ, а два въ слѣдующемъ порядкѣ. Выходитъ старикъ—уставщикъ на амвонъ, кладутъ передъ нимъ разукрашенный подручникъ, и онъ вслухъ говоритъ положенные стихи «начала» и дѣлаетъ поклоны; кончивъ, начинаетъ снова говорить тѣ же стихи, при чемъ уже въ землю не кланяются, но полагаютъ поклоны всегда въ поясъ. Въ заключеніе же всего уставщикъ беретъ въ руки подручникъ, оборачивается къ народу лицомъ и кланяется, говоря вслухъ молитву Іисусову и «простите меня грѣшнаго»; потомъ всѣ богомольцы ему кланяются въ свои подручники до земли два раза; кладутъ подручники на свои мѣста и расходятся кійждо во-свояси.

Вы любите говорить: «аще кто прибавитъ, или убавитъ, анаѳема»; а сами, какъ мы видѣли, сколько дѣлаете на одной всенощной существенныхъ убавленій! Побойтесь же хоть этой анаѳемы...

V.

Великопостныя служба и говѣнье въ Городецкой часовнѣ.—Пасха на могилахъ.—Поминовенія у раскольниковъ—„Келейныя".—Размноженіе моленныхъ.

Не стану излагать другихъ часовенныхъ службъ, за которыми не меньше, чѣмъ за всенощной, допускается здѣсь разныхъ убавленій и прибавленій. Скажу только нѣчто о томъ, что бываетъ въ Городецкой часовнѣ во время великаго поста, и какъ здѣсь говѣютъ.

На первой седмицѣ служатъ по Уставу,—служатъ даже меѳимоны; но только одного не знаютъ часовенные, что это за служба—литургія преждеосвященныхъ и какъ она служится. А вѣдь чтецъ паремій постоянно видитъ въ Тріоди, что послѣ ихъ чтенія поется: «Да ся исправится молитва моя»! Да, о литургіи преждеосвященныхъ часовенные и понятія не имѣютъ,—служатъ только утреню и часы съ каѳизмами. Зато поклоновъ полагаютъ много, и всѣ безъ исключенія въ подручники. Но при этомъ большинство богомольцевъ дѣлаютъ вотъ что. Разставятъ по часовнѣ стулики и скамейки, да въ нихъ и кланяются, и называютъ эти стулечные поклоны земными поклонами! Вотъ, почтенный старообрядецъ, займись-ка, поищи въ Уставѣ, есть ли что объ этихъ скамейкахъ и стули-

кахъ. А вѣдь, по привычкѣ, вы думаете, что это дѣлается именно по Уставу.

Вѣрно то, что въ часовнѣ много кладутъ земныхъ поклоновъ и строго воздерживаются отъ пищи; но зато сколько и фарисейства! Какое полное отсутствіе истиннаго поста, благоугоднаго Господеви! Вотъ я передамъ кое-что изъ того, что приходилось видать въ Городецкой часовнѣ. Здѣсь между службъ на первой недѣлѣ многія старушки-богомолки остаются въ часовнѣ отъ одной службы до другой, чтобы не видѣть мірскую суету въ постные дни. Остаются отъ 30—40 старухъ, разсаживаются кучками и начинаютъ бесѣдовать. Одна говоритъ: «А я, Господи прости, согрѣшила вчера: послѣ часовъ ушла домой, да и не сговѣла,—поѣла хлѣбца съ кваскомъ, да сухариковъ съ толоконцомъ»! Другая сказываетъ: «А я вотъ, окаянная грѣшница, вчера и совсѣмъ не поѣла; да какой грѣхъ,—двѣ лѣстовочки перемолила! чуть-чуть застала нефимонъ». Третья начинаетъ пояснять такъ: «А я, грѣшница, цѣлый вѣкъ грѣшила! Когда печку топила, такъ заслонъ ставила на полу, а не клала его на судную лавицу. Только вотъ намедни Арефьюшка, спаси его Христосъ, разъяснилъ, что во время топленія печи заслонъ никакъ нельзя ставить, а нужно класть, а то онъ (т.-е. заслонъ) Господу Богу жалится, что у всякой-де твари есть время на

отдыхъ, а мнѣ покою не даютъ. Охъ, охъ, родимая, запутались мы во грѣхахъ»! Отъ этихъ «душеспасительныхъ» разговоровъ скоро переходятъ къ мірскимъ,—идутъ пересуды о знакомыхъ, и при этомъ уже не говорятъ: «согрѣшила»...

Но вотъ недѣля приходитъ къ концу,—нужно подумать о исповѣди, и тѣ же богомолки начинаютъ такія бесѣды. «Ты, родимая, куда исправляться-то пойдешь»? спрашиваетъ одна.—«А, Господи знаетъ куда!—отвѣчаетъ другая. Говорятъ, что здѣсь въ часовнѣ будутъ читать Скитское покаяніе! А ты куда»? —«Да тоже не знаю! Здѣсь вѣдь, родимая, Иванъ Кондратьевъ (старикъ-кадильщикъ) благословленъ попомъ,—развѣ можно къ нему идти на покаяніе? Да у него и вода-то святая отъ попа! Нѣтъ, не пойду къ нему»!—«Такъ куда же»?—«Да хотѣла было идти къ матушкѣ Нафроньѣ; только тамъ вѣдь много народу—богатыя бабы! не смѣю».—«Ну, конечно, родимая, насъ бѣдныхъ не пустятъ»! —«Такъ вотъ и думаю идти къ Татьянѣ Семеновнѣ, на большой врагъ: тамъ Васильюшко! Только мнѣ Василиса Аѳанасьевна говорила, что и къ нему-то ходить не слѣдуетъ: очень онъ служитъ надъ водою беззаконно,—освящаетъ самъ воду и облачается»!—«Что же теперь дѣлать?—спрашиваетъ третья. Келейныя только богатымъ служатъ! Вотъ теперь

къ Лапшинымъ, или Сотинымъ сама Матрена Абрамовна ѣздитъ на ихъ лошади, да на дому имъ читаетъ Скитское-то Покаяніе. Имъ хорошо. А вонъ за фабричные многіе ходятъ къ Прокопію Ивановичу Боровскому; еще многія ходятъ къ Платонушку, что на Вшивой горкѣ: у этихъ ужъ нѣтъ поповской воды»!—«Полно,—говоритъ еще одна,—приходи сюда; здѣсь молились, здѣсь и исправимся! Увидимъ,—если поповская вода, такъ принимать не станемъ; а лѣтось у него стояло на столѣ три воды: большая, малая, да со свѣтлаго озера» (озерная).—«Ну, и такъ,—рѣшаютъ всѣ, чѣмъ ходить по разнымъ домамъ, здѣсь исправимся»! И вотъ, въ пятницу, послѣ службы, когда уйдутъ изъ часовни и дьячки (при нихъ неловко,—очень смѣются!), старикъ поставитъ облаченный столъ, на немъ разстявитъ три деревянныя чашечки и три склянки съ водой (въ одной большая, въ другой малая, въ третьей озерная), нальетъ изъ нихъ воды въ чашечки, зажжетъ на столикѣ свѣчи, начинаетъ по Чиновничку (подпольному, или писанному) читать вслухъ Скитское Покаяніе, а всѣ оставшіяся говѣльщицы, тоже вслухъ, громко, отвѣчаютъ ему, усердно каясь въ несодѣянныхъ грѣхахъ! Спрашивается напр., не принимали ли недостойно дору (которой никогда и не видали)? не преслушали ли своего игумена? и т. п., а они смѣло отвѣчаютъ: со-

грѣшихъ! О другихъ грѣхахъ, въ какихъ признаютъ себя виновными, срамно есть и глаголати. Потомъ читаютъ лежа: «прости мя, отче святый», и наконецъ, дрожащею рукою берутъ чашечку, кому какая будетъ по совѣсти, и испиваютъ изъ нея воды, а старикъ въ это время говоритъ: «чашу спасенія пріиму»... Тогда же полагаютъ на тотъ же столъ мѣдницы въ пользу старика. Боже милостивый! До какого кощунства доходятъ эти несчастные люди! Подумайте же вы: есть ли въ этихъ кощунственныхъ дѣйствіяхъ какое-нибудь подобіе святому таинству покаянія и величайшему изъ таинствъ—причащенію? Кто и что у васъ дѣлаетъ? Старикъ-мужикъ читаетъ какое-то Скитское Покаяніе и поитъ васъ какими-то водами! А вы думаете, что исправились и что принимаете какую-то святыню! Несчастные, темные люди!

Поповцы скажутъ: у насъ не такъ, это не вѣрно! Соглашаюсь, что у васъ не такъ; но посмотримъ, и у васъ по Уставу ли творится. Бѣглый попъ, котораго вы развозите изъ дома въ домъ, исповѣдуетъ васъ въ отдѣльной комнаткѣ, сидя,—сидитъ, оборотясь лицомъ къ исповѣдующемуся,—исповѣдуетъ по Требнику, въ которомъ есть писано, что безъ повелѣнія епископскаго совершаемая исповѣдь—не исповѣдь, и разрѣшеніе—не разрѣшеніе, и самъ священникъ, если творитъ исповѣдь

безъ повелѣнія епископскаго, казнь пріиметъ, (настав. священнику при Номоканонѣ, л. 6). Какой же епископъ далъ вашему попу власть исповѣдывать? И пріобщаетъ васъ попъ въ какой-нибудь домовой моленной, рядомъ со спальной, а не въ церкви и не во время литургіи, какъ этого требуетъ чинъ и уставъ о исповѣдующихся,—пріобщаетъ какимъ-то запаснымъ причастьемъ. Но вѣдь запасные дары приготовляются только для больныхъ, а вы всѣ здоровы. Обѣдни же у васъ и во весь постъ не бываетъ. Гдѣ же у васъ строгое соблюденіе Устава, которымъ вы хвалитесь?

Вотъ, любознательный старообрядецъ, мы съ тобой отчасти видѣли, какъ въ Городецкой часовнѣ исполняется великопостный уставъ и какъ происходитъ тамъ исповѣдь. Было бы слишкомъ долго, да и тягостно описывать, а читателямъ читать, что дѣлается въ часовнѣ въ великіе и святые дни Страстной седмицы и святой Пасхи. Разскажу только объ одномъ пасхальномъ обычаѣ, какого многіе читатели, конечно, и не слыхивали.

Во время Пасхи и до самаго отданія дьячки, по два и по три вмѣстѣ, ходятъ въ кладбищенской оградѣ, по могиламъ, пѣть Пасху. Послѣ всякой службы есть заказчики, приглашающіе отпѣть Пасху на могилѣ родителей и родственниковъ,—и вотъ исходятъ съ этими заказчиками дьячки партіями: предъ каж-

дой партіей несутъ большой запрестольный крестъ и идетъ кадильщикъ съ кадиленкой. Приходятъ на могилы; заказчики кладутъ на могилу яйцо, или два, которыя потомъ поступаютъ въ собственность дьячковъ, и начинается служеніе Пасхи. Кадильщикъ кладетъ молча три поклона (значитъ служба безъ начала), потомъ замолитвуетъ; пѣвцы: аминь и 3-жды «Христосъ воскресе», весь ирмосъ 9-й пѣсни «Свѣтися свѣтися» и прочіе стихи, опять «Свѣтися», свѣтися» и земной поклонъ. Затѣмъ кадильщикъ сказываетъ «Да воскреснетъ Богъ», пѣвцы: «и разыдутся врази его», и всѣ прочіе стихи и стихиры Пасхи, а кадильщикъ въ это время кадитъ могилы низко, чтобы кадильный дымъ разстилался непремѣнно по могилѣ, на которой разложены красныя яйца; потомъ поетъ одинъ «Христосъ воскресе», пѣвцы: «и гробнымъ животъ дарова»; кадильщикъ читаетъ отпустъ, кончая словами: «Христосъ воскресе»; присутствующіе отвѣчаютъ: «Воистинну воскресе». Потомъ: «И намъ дарова»; еще 3-жды «Господи помилуй»,—и конецъ. Гдѣ же написана такая служба въ Уставѣ? А между тѣмъ часовенные, упрекая православныхъ, говорятъ: «какіе у васъ пастыри! и Пасху-то по уставу отслужить не могутъ»! Они, бѣдные, воображаютъ, что именно то изложено въ уставѣ святыхъ отцовъ, что дѣлаютъ ихъ часовенные.

Но ты, любезный читатель, только вообрази себѣ, что происходитъ тогда въ оградѣ часовеннаго кладбища, когда поется эта «Пасха» на могилахъ. Среди глухихъ высокихъ березъ стоятъ эти группы дьячковъ съ кадильниками и всѣ заразъ поютъ во всю мочь, а тутъ же повсюду старыя дѣвы и читалки съ своими хорами для другихъ заказчиковъ поютъ ту же «Пасху» и тоже во все горло, —крикъ и гамъ невообразимый! Бывало и мы сами говаривали: «ну теперь у насъ стонъ-стономъ идетъ»! Стоитъ особенно взглянуть на этихъ старыхъ дѣвъ и читалокъ въ темныхъ платьяхъ, съ лѣстовками въ рукахъ. У нихъ въ каждомъ кружкѣ тоже есть начальница, подобная кадильщику,—она и замолитвуетъ, и стихи сказываетъ, и отпустъ, и «Христосъ воскресе» одна поетъ, и ей точно такъ же отвѣчаютъ: „Воистину воскресе“ купцы съ длинными бородами, всѣ въ поддевкахъ, и жены ихъ, разодѣтыя въ шитые золотомъ платки и сарафаны съ золоченными пуговицами, держа въ рукахъ, унизанныхъ кольцами и перстнями, вышитыя бисеромъ лѣстовки...

«Пасхи» на могилахъ, похороны, панихиды (дѣло самой первой важности), читанья по умершихъ, поминовенія—вотъ для чего и чѣмъ собственно живетъ и существуетъ этотъ полкъ городецкихъ дѣвъ, читалокъ, вообще

такъ называемыхъ «келейныхъ». Любопытно видѣть ихъ особенно на поминальныхъ обѣдахъ, которымъ усвояется великое значеніе. Эти поминальные обѣды устраиваются въ дни похоронъ, также въ 9-й и 40-й по кончинѣ, приготовляются изъ множества вкусныхъ блюдъ, но только рыбныхъ, или якоже повелѣваетъ Уставъ, но никакъ не скоромныхъ, и питаются за ними по преимуществу «келейныя». И сколько бы вы думали, читатель, находится сихъ особъ въ нашемъ селѣ Городцѣ? Да вотъ на обѣдахъ среднимъ числомъ готовится отъ 30 до 50 блюдъ (смотря по помѣщенію въ домѣ), а когда обѣды бываютъ Бугровскіе, въ самой оградѣ часовни, то въ послѣднее время, какъ слышно, готовятъ слишкомъ на 100 блюдъ, а за каждымъ блюдомъ трапезуютъ отъ 6 до 9 человѣкъ! Вотъ и соображайте, сколько у насъ этихъ «келейныхъ», сладко питающихся и привольно живущихъ! Обѣдъ продолжается обыкновенно отъ 3 до $4^1/_2$ часовъ времени. Сначала всѣ сидятъ чинно, потомъ начинаются оживленные разговоры, а нѣкоторые, сидя за столомъ, начинаютъ и дремать. На обѣдѣ бываетъ отъ 7 до 14 перемѣнъ, а подъ конецъ одѣляютъ каждаго гостя деньгами, по усердію. Эти «келейныя» дѣвицы и читалки дѣлятся на три класса, или разряда: на поющихъ, чтущихъ и предстоящихъ. Всѣ онѣ одинаково одѣваются въ

черные съ пуговицами сарафаны; но только у первыхъ,—поющихъ и читающихъ, есть знакъ отличія отъ послѣднихъ: прикрѣпляется на груди бѣлый небольшой платочекъ, и означаетъ келейную читалку, или пѣвицу; онѣ занимаютъ первыя мѣста за панихидой предъ обѣдомъ, и за обѣдомъ.

Происхожденіе этихъ келейныхъ дѣвъ и ихъ образованіе, говоря вообще, одинаковое. Старыя, опытныя «келейницы» набираютъ дѣвочекъ изъ крестьянскихъ бѣдныхъ семей, разныхъ незаконнорожденныхъ, нищенствующихъ, обучаютъ ихъ читать и пѣть, водятъ съ собою на панихиды и обѣды. Когда дѣвочка придетъ въ возрастъ, тогда, если пригожа лицомъ, то та же келейная поможетъ ей пристроиться къ какому-нибудь милостивцу,—молодая читалка тутъ мѣняетъ свой костюмъ и весело поживаетъ. А когда годы станутъ уходить, опять надѣваетъ темный сарафанъ келейнаго покроя, и мало по малу вступаетъ въ общество коренныхъ «келейныхъ», дѣлается настоящей келейной дѣвой, и если отличается способностью пѣть и читать, то дѣлается и духовницей богатыхъ купчихъ, руководительницей первоклассныхъ купеческихъ семействъ, будетъ имъ исправлять всѣ требы,—читать Скитское Покаяніе, а вмѣстѣ ссорить «саму съ самимъ», также воспитывать по своему образцу юное купе-

ческое поколѣніе, переносить сплетни изъ одного семейства въ другое... Таково большею частію происхожденіе нашихъ келейныхъ дѣвъ, и прежнихъ и настоящихъ, и таково ихъ служеніе старообрядческому обществу.

Нѣтъ сомнѣнія, что «келейнымъ», овладѣвшимъ раскольницами, расколъ въ Городцѣ обязанъ и тѣми раздорами, какіе теперь господствуютъ въ немъ. Лѣтъ 18 или 20 тому назадъ въ здѣшнемъ часовенномъ обществѣ никакого раздѣленія не было; а теперь что? И не одно самолюбіе и тщеславіе заставляетъ васъ дѣлиться между собой,—а больше эти келейныя дѣвы съ вашими «бабами». Потому что вы, главы семейства, только вѣдь числитесь главами, а творите все повѣленное ими, —онѣ ваши кормчіе, а вы орудіе въ ихъ рукахъ. Вотъ я, пожалуй, кое-что скажу о томъ, какъ у васъ возникли эти раздѣлешія. Напримѣръ, у Прянишникова изъ-за чего и какъ открылась своя моленная? На сходкахъ не стали считать его лицомъ авторитетнымъ, какимъ онъ себя воображалъ,—и вотъ онъ говоритъ: «не уступлю же имъ! у меня и дома будетъ не хуже часовни, своя моленная»! Дѣйствительно, собралъ себѣ небольшую партію горячихъ бѣглопоповцевъ, и открылъ моленную. Тогда старая дѣва-монахиня Нафронья (?) открыла свою моленную, и ея дочери съ другими дѣвами изъ своихъ личныхъ

разсчетовъ привлекли сюда множество купчихъ: завели они эту моленную будто бы подъ опасеніемъ грѣха и даже ереси ходить въ часовню, гдѣ освященіе было отъ бѣглаго попа Димитрія Бѣляева, якобы «обливанца». Съ появленіемъ этой бабьей моленной начало расти преобладаніе келейныхъ дѣвъ. У Лизаветы Никитишны также открылась моленная и наполнилась молящимися, ради усерднаго ихъ проповѣданія о табакѣ, чаѣ, кофеѣ, картофелѣ и о послѣднемъ времени. У Татьяны Семеновой (моей бывшей учительницы), тоже появилась моленная, только здѣсь публика посѣрѣе. Не говорю уже о существующихъ въ Городцѣ мнимыхъ церквахъ и моленныхъ, австрійской, поморской, самокрещенской, страннических ихъ. Взгляни, старообрядецъ городецкій, на всѣ эти раздѣленія ваши, распри и раздоры, и подумай: въ истинной ли церкви Христовой ты находишься...

VI.

Какъ совершаются у часовенныхъ церковныя таинства и имѣютъ ли они сіи таинства.—Заключеніе.

Скажу теперь о самомъ главномъ, о совершеніи у васъ, часовенные старообрядцы, святыхъ таинствъ, которыя установилъ самъ Христосъ въ церкви своей, какъ необходимыя посредства нашего спасенія, безъ законнаго

совершенія коихъ невозможно получить и сего спасенія,—посмотримъ, есть-ли въ томъ, какъ совершаются у васъ таинства, хотя какое-либо подобіе законнаго ихъ совершенія.

Всякому православному христіанину извѣстно, что совершать таинства можетъ только священникъ, законно поставленный и состоящій въ неразрывномъ общеніи съ своимъ епископомъ, и что только совершаемыя такимъ священникомъ таинства, суть истинныя таинства, подающія намъ благодать освященія. А у васъ святотатственно и дерзко совершаютъ ихъ мужики, чѣмъ и самихъ себя подвергаютъ страшной отвѣтственности предъ Богомъ и васъ лишаютъ преподаваемой въ таинствахъ благодати. И такъ, собственно говоря, у васъ никакихъ таинствъ и не совершается, ибо нѣтъ у васъ законныхъ совершителей таинствъ.

Какъ же эти ваши мнимые совершители таинствъ дѣйствуютъ, дерзая приступать къ ихъ совершенію?—Слѣдуютъ ли Уставу и Потребнику, соблюденіемъ которыхъ вы такъ хвалитесь?

Начнемъ съ крещенія. Когда родится младенецъ, требуется прежде всего очистительная молитва роженицѣ и нареченіе имени новорожденному. Какъ это дѣлается у васъ? Повивальная бабка обыкновенно приходитъ у васъ къ старику-крестильщику-кадильщику

подъ окно и объясняетъ ему тутъ же, подъ окномъ, что вотъ надо имя дать новорожденному, или новорожденной, и чтобы онъ помолитвовалъ поскорѣе, а то де въ домъ рожаницы все ходятъ и скверняются. Старикъ открываетъ святцы, отыскиваетъ мѣсяцъ, отсчитываетъ восьмой день, выбираетъ имя; потомъ читаетъ у себя молитву отъ скверны, упоминая имя роженицы и рожденнаго младенца, а старушка ждетъ все у окна, пока старикъ выглянетъ и объявитъ ей: «очистилъ всѣхъ иди съ Богомъ!—а имя такое то». Разсуди самъ, старообрядецъ: гдѣ положенъ такой чинъ, чтобы мужикъ давалъ заочно имя новорожденному и читалъ заочно молитву женѣ-родильницѣ?

Опишу теперь, какъ совершается у васъ самое крещеніе—въ домѣ, или въ моленной. Приготовляется глиняный синій горшокъ(отъ этого, можетъ быть, въ простонародьѣ называютъ старообрядческую вѣру, «синяя вѣра»), или медовую кадку (здѣсь пряничныя заведенія, поэтому этихъ кадочекъ изобиліе). Наливаютъ въ нихъ воды, зажигаютъ—кто 3, и кто 4 свѣчи около этихъ сосудовъ. Старакъ и воспріемники (кумъ и кума), полагаютъ необходимый семипоклонный «началъ», воспріемники берутъ и держатъ въ рукахъ двуперстно предъ своимъ лицомъ свѣчи, старикъ же читаетъ такъ называемый большой

началъ: «Царю небесный», «Трисвятое», «Отче нашъ», «Пріидите поклонимся» 3-жды, 50-й псаломъ и Символъ вѣры 3-жды. Затѣмъ старикъ надѣваетъ ризку на шею кума, беретъ ребенка отъ кумы, гаситъ у горшка свѣчи, и погружаетъ ребенка 3-жды съ установленными словами; кладетъ его куму на правую руку, въ ризку, читаетъ: «Нынѣ отпущаеши»; потомъ надѣваетъ на ребенка крестъ съ гайтаномъ, сорочку и поясъ, съ словами, положенными въ Потребникѣ. Наконецъ разложитъ пелену съ нашитымъ на ней восьмиконечнымъ крестомъ изъ позумента, поставитъ на нее деревянную чаніку, нальетъ изъ флакончика воды, покадитъ, прочитаетъ свѣтиленъ и съ молитвой Іусовой напоитъ ребенка, и тѣмъ кончается крещеніе. А иные старики, дѣлаютъ при крещеніи и отрицаніе отъ сатаны и хожденіе посолонь вокругъ горшковъ. Возьми же, старообрядецъ, Потребникъ старопечатный, посмотри въ немъ чинъ св. крещенія, и посуди: представляетъ ли что либо похожее на этотъ, въ Потребникѣ изложенный, чинъ совершаемое вашими стариками крещеніе? Откуда особенно взяли они поить крещенаго младенца какою то водою изъ чашечки (должно быть вмѣсто причащенія?). Если бы это была даже святая вода, развѣ она можетъ замѣнить причащеніе святыхъ таинъ?

Таинство св. мvропомазанія у часовенныхъ и совсѣмъ не совершается, за неимѣніемъ св. мvра. И такъ они, какъ безпоповцы, остаются не помазанными, не имущими перстня обрученія, и, по Катихизису, не могутъ называться христіанами (Кат. мал. л. 39). А если кого и помажетъ бѣглый попъ, когда случится, то мажетъ не мvромъ, а деревяннымъ масломъ изъ лампады, что всякому бѣглопоповцу хорошо извѣстно: значитъ и здѣсь нѣтъ мvропомазанія.

Нѣтъ у часовенныхъ и таинства св. причащенія. А если случившійся бѣглый попъ и даетъ причастіе, то мы уже показали, говоря о службѣ въ великій постъ, какъ неправильно онъ поступаетъ.

И такъ вы, хвалящіеся строгимъ исполненіемъ всѣхъ правилъ и уставовъ церковныхъ, совсѣмъ выкинули изъ Потребника два великіе чина: чинъ мvропомазанія и святого причащенія. А православныхъ не совѣститесь поносить за малѣйшее въ чемъ-либо неважномъ нарушеніе Устава!

Чинъ таинства исповѣди, какъ я показалъ уже, совершенно искажается у часовенныхъ и превращенъ въ какое-то глумленіе надъ таинствомъ, такъ что и старыя келейныя дѣвки, читая Скитское Покаяніе своимъ прихожанкамъ, являются у нихъ совершительницами таинства покаянія.

А чинъ таинства священства и всѣ раскольники вычеркнули изъ Потребника, ибо съ самаго отдѣленія отъ церкви сіе таинство у нихъ не совершается. Объ австрійцахъ же, которые съ 1846 г., черезъ 180-лѣтній перерывъ, начали беззаконно совершать свою, не отъ Апостоловъ преемственно влекущуюся, хиротонію,—объ нихъ я здѣсь не говорю.

Безъ брака не находите возможнымъ обойтись и вы, часовенные; но какъ онъ у васъ совершается,—по Уставу ли? Если даже вѣнчаетъ и бѣглый попъ, то, во-первыхъ, не по Уставу вѣнчаетъ въ домѣ, а не въ церкви. А сколько бываетъ тутъ не только отступленій отъ изложеннаго въ Потребникѣ чина, прибавленій и убавленій, даже просто кощунствъ, удивились бы читатели, если бы я передалъ только то, чему былъ очевидецъ. Если у попа вѣнчается кто, крещенный старикомъ, или старухой, то нужно жениха, или невѣсту, а то иногда и обоихъ, довершать; а такъ какъ обыкновенно вѣнчаютъ помногу свадебъ, то этихъ навершаемыхъ скопятъ десятка два, или три. Выйдетъ попъ, обыкновенно выпивши, веселый, посмотритъ съ лукавыми улыбками на женіховъ и невѣстъ, которые стоятъ, завернувшись въ бѣлыя простыни; затѣмъ поставитъ каждаго въ купель (т.-е. синіе горшки) по лодыжку, перемажетъ всѣхъ, и они въ скуфейкахъ, отдѣленія на два, или на три,

идутъ вокругъ купелей, конечно, по солнцу, какъ хороводы, тоже при острота̀хъ «батюшки». Вѣнчаютъ тоже брака два, три и болѣе, иногда до двадцати. Вѣнчаніе бываетъ по Потребнику; но опять-таки не сполна согласно съ положеннымъ въ немъ чиномъ. Напримѣръ, чтобы вѣнчать заразъ множество браковъ, такого указа въ Потребникѣ нѣтъ. При этомъ совокупномъ вѣнчаніи многихъ брачущихся поминаются имена ихъ точно какъ Синодикѣ имена умершихъ, да притомъ и путаются нерѣдко, такъ что какой-нибудь Иванъ сочетается вмѣсто Анны—съ Ксеніей и т. д. Потомъ вмѣсто вѣнцовъ на голову брачущихся ставятъ иконы, которыя на ихъ головахъ держатъ кумы; вѣнцы же надѣваютъ во время обвожденія вокругъ аналоя, при чемъ съ одной головы передѣваютъ вѣнецъ на другую, съ другой на третью и т. д. Согласно ли все это Уставу и чину древлепечатныхъ дониконовскихъ книгъ? А что сказать о бракахъ, совершаемыхъ стариками—по благословенію родительскому? Въ Городцѣ есть и такіе сводные браки; ихъ чинятъ разные Иваны Кондратьевы, Платонушки, Львы и Прокофьюшки. Они имѣютъ то преимущество, предъ бѣглыми попами, что болѣе одного брака заразъ не вѣнчаютъ. Но какъ вѣнчаютъ? Послѣ обычнаго начала поставятъ жениха и невѣсту на подножіе (холстъ, или платокъ), прикажутъ

имъ лечь на полъ и прочитаютъ имъ молитву отъ скверны (ту же, которую читаютъ рожаницѣ). Потомъ вручатъ имъ по свѣчѣ, прочитаютъ канонъ Животворящему Кресту, на 6-й пѣсни прочтутъ Апостолъ и Евангеліе, которые положены въ чинѣ вѣнчанія. Послѣ канона вычитаютъ брачущимся поученіе св. Златоуста, изъ того же чина сполна. А нѣкоторые и еще канона два, или три прилагаютъ, и кромѣ нравоученія св. Златоуста, положеннаго въ чинѣ вѣнчанія, читаютъ еще нѣсколько изъ бесѣдъ Апостольскихъ. На такое вѣнчаніе требуется иногда времени до 3-хъ час. Все это дѣлается, чтобы какъ-нибудь успокоить совѣсть, которая, видно, все же вопіетъ вамъ, что все вы творите не по Уставу, не законно...

О седьмомъ же таинствѣ Елеосвященія у васъ и помину нѣтъ, не имѣете о немъ и понятія. Какіе же вы и христіане, когда не знаете седми Христовыхъ таинствъ, которыхъ (по Катихизису) «аще кто по чину святыя соборныя и апостольскія церкви восточныя не употребляетъ, но не пренебрегаетъ я, той безъ нихъ, яко безъ извѣстныхъ посредствъ, онаго крайняго блаженства сподобитися не можетъ» (Кат. бол.)?

И такъ вотъ, любезные мои бывшіе собратія по вѣрѣ, я указалъ вамъ то, что пришлось мнѣ не отъ другихъ слышать, а самому

видѣть. Видѣвши же все это и сопоставивъ съ ученіемъ церкви, сличивъ съ изложенными въ нашихъ же старопечатныхъ книгахъ чинами, убѣдился я, что напрасно мы хвалимся даже точнымъ исполненіемъ церковнаго Устава и что ни въ чемъ-то наше общество не походитъ на истинную церковь Христову. Это и заставило меня искать твердаго и прочнаго пристанища, т. е. истинной церкви Христовой. Сначала, по невѣдѣнію, поползнулся было принять, какъ говорилъ уже выше, Австрійщину, гдѣ, казалось мнѣ, есть полнота священства; но потомъ ясно понялъ, что корень Австрійщины есть та же Бѣглопоповщина, и что выросшее изъ этого гнилаго корня дерево не можетъ быть здравымъ, приносящимъ плоды, питающіе вѣрующихъ для жизни вѣчной. Убѣдившись же, что всѣ обвиненія и хулы на православную церковь, какія говорили наши старики до насъ, говорятъ теперь и будутъ говорить послѣ насъ, —всѣ эти мнимыя «ереси» и «новшества», совсѣмъ не ереси и не новшества, вступилъ я, по милости Божіей, въ православную церковь, истинно единую, святую, соборную и апостольскую. Не буду излагать вамъ подробно пути, какъ пришелъ я въ сію спасительную оградѣ, а только попрошу васъ, вотъ о чемъ. Испросивъ Божіе благословеніе, съ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, на основа-

ніи слова Божія и святоотеческихъ писаній, вы прежде всего разсмотрите и рѣшите вопросъ: какъ создалъ Господь свою церковь на землѣ,—въ какомъ видѣ и устройствѣ,—и пребудетъ ли она непрерывно и вѣчно въ семъ видѣ и устройствѣ? Вотъ когда вы будете знать составъ и устройство церкви Христовой, и что въ такомъ устройствѣ она должна пребыть неизмѣнно до скончанія міра, тогда вы и посмотрите: какая церковь имѣетъ эти свойства,—ваша ли, Австрійская ли, или православная Греко-россійская? Потомъ съ полнымъ же безпристрастіемъ и вниманіемъ разсмотрите другой вопросъ: когда именно Великороссійская церковь сдѣлалась неправославную (какъ вы считаете ее) и лишенною благодати Святаго духа на совершеніе святыхъ таинствъ?—отыщите годъ этого лишенія, и кто, за что лишилъ ее власти вязать и рѣшить, вообще совершать всѣ таинства. Затѣмъ разсмотрите внимательно, по несомнѣннымъ памятникамъ древности, или же хотя по «Выпискамъ Озерскаго», гдѣ свидѣтельства древности приведены со всею точностію,—разсмотрите, не было ли въ древлерусской православной церкви тѣхъ мнимыхъ «новшествъ», которыя вы указываете въ нынѣшней православной россійской церкви. Если все это разсмотрите внимательно и безпристрастно, подъ руководствомъ святого Пи-

санія, то, я увѣренъ, и сами оставите ваши самочинія, о которыхъ была у меня рѣчь, обратитесь же къ истинной хранительницѣ неповрежденной вѣры и святоотеческихъ уставовъ—православной греко-россійской церкви.

Въ заключеніе же всего, прошу васъ, стяжите терпѣніе и прочтите сіе сказаніе мое нелѣностно и безъ гнѣва, хотя и встрѣтите въ немъ много непріятнаго для васъ: ибо трудъ сей, за который вы не можете обличить меня въ неправдѣ, или клевете на васъ, я предлагаю не въ укоризну вамъ, а единственно руководясь моею къ вамъ любовію и послѣдуя слову святаго апостола Павла: ***праведно мнѣ сіе мудрствовати о васъ, за еже имѣти ми въ сердце васъ*** (Филип. гл. 1 ст. 7).

Замѣтка по поводу «отвѣта» г. Голубинскаго отцу І. Виноградову *).

Изъ «отвѣта» г. профессора Голубинскаго о. І. Виноградову, помѣщеннаго въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за августъ 1893 г., я убѣждаюсь, что г. профессоръ очень мало знакомъ съ раскольниками, когда говоритъ (на стр. 323): «если растолковать дѣло ***какъ слѣдуетъ*** самому тупому раскольнику», то будто и онъ пойметъ. Такъ писать можно только на досугѣ, сидя въ кабинетѣ. Видалъ ли г. профессоръ, или гдѣ онъ видѣлъ такихъ раскольниковъ, да еще тупыхъ, которые имѣли бы терпѣніе выслушивать со вниманіемъ объясненія отъ лицъ не ихъ согласія? Едва ли гдѣ есть такіе. Извѣстно, что всякій раскольникъ съ дѣтства имѣетъ наклонность подмѣ-

*) Настоящая замѣтка имѣетъ значеніе собственно какъ голосъ простолюдина, бывшаго старообрядца, а нынѣ преданнаго сына православной церкви: она можетъ служить показаніемъ, какое впечатлѣніе на такихъ людей производятъ писанія г. Голубинскаго въ защиту двуперстія. Нужнымъ почитаю присовокупить, что замѣтка печатается съ большими сокращеніями, въ полномъ же своемъ видѣ, по рѣзкости тона въ замѣчаніяхъ г. Голубинскому, напечатать ее было неудобно.

чать только недостатки другихъ, особенно православныхъ, и учить другихъ, а не самъ у кого-нибудь учиться. Нужно растолковать ***какъ слѣдуетъ***, говоритъ г. профессоръ. Но мы видимъ, что раскольникамъ толковали дѣло ученѣйшіе люди, блаженной памяти преосвященные митрополиты Филаретъ и Григорій, и архіепископы Аркадій и Никаноръ: ужели и эти лица вели дѣло не ***какъ слѣдуетъ***, нетолково, неумѣло? По суду г. Голубинскаго именно такъ,—нетолково и неумѣло. Удивительно ли, что при такомъ горделивомъ взглядѣ на другихъ онъ порѣшилъ, что будто нужна иная постановка дѣла полемики (325 стр.), какая-то болѣе толковая. А нужна-де вотъ почему: «никто не станетъ отрицать возможности появленія между старообрядцами человѣка, подобнаго Андрею Денисову», говоритъ г. Голубинскій, и въ ожиданіи такихъ-то людей необходимо измѣнить полемику съ расколомъ. Но почему г. профессоръ вѣруетъ въ возможность явленія ученыхъ людей у раскольниковъ, когда расколъ, какъ мы видимъ, даже въ начитанныхъ людяхъ имѣетъ полный недостатокъ, и люди дѣйствительно разумные не находятъ возможнымъ быть въ расколѣ? Г. Голубинскій говоритъ, что ожидаемый имъ Денисовъ «съ ***нашими*** же книгами въ рукахъ» будетъ нападать на православныхъ. Это правда, и чтобъ въ этомъ убѣ-

диться нечего ждать новаго Денисова. И теперь рѣдкая бесѣда съ раскольниками обходится безъ того, чтобы раскольники не взяли въ руки *ваши* книги, чтобы въ защиту свою не ссылались на сочиненія г.г. профессоровъ Голубинскаго и Каптерева. Это мы видимъ и слышимъ. А вотъ книги митрополита Григорія, или же Филарета не хотятъ и въ руки взять. Г. Голубинскій утверждаетъ, что доселѣ не толково ведутъ полемику съ раскольниками. А самъ вотъ какъ толково пишетъ: «Но, не признавая, мозможнымъ представлять дѣло такимъ образомъ и находя, что свидѣтельства говорятъ о предшествующемъ троеперстію господствѣ у константинопольскихъ грековъ двуеперстія, необходимо, какъ это очевидно, представлять дѣло такимъ образомъ» (ст. 322) и проч. Едва ли раскольникъ, да еще тупой, что-нибудь пойметъ изъ такого набора словъ.

Г. профессоръ увѣряетъ теперь, что писалъ свои статьи «въ интересѣ нашей православной полемики съ старообрядцами». Увѣрять можно; а съѣздилъ бы онъ въ села, гдѣ ведутся бѣседы съ раскольниками, да и поглядѣлъ бы, какъ раскольники пользуются ихъ трудами,—послушалъ бы, какъ съ торжествомъ кричатъ: «подай намъ книгу «Карахтеръ Каптерева, давай намъ книгу профес-

сора о древности двоеперстія»! Миссіонеръ говоритъ, что требуемыхъ книгъ у него нѣтъ, раскольники кричатъ: «Такихъ-то книгъ вы не любите, въ которыхъ правда написана! Въ нихъ ваши же ученые про васъ пишутъ, что вы только насъ обманываете, толкуя о древности щепоти, они доказали, что въ Греціи и у насъ изстари молились крестомъ, двуперстно»! Вотъ плоды вашихъ сочиненій на пользу полемики!

Не пользу полемикѣ приносятъ онѣ, а только усложняютъ дѣло полемики и укрѣпляютъ расколъ профессорскою авторитетностью, только прибавилось теперь упрековъ на прежнихъ полемистовъ, даже такихъ великихъ, какъ святитель Димитрій, митрополитъ Филаретъ, Григорій, да прибавилось еще и спора о двуперстіи...

Въ *Богословскомъ* же ***Вѣстникѣ*** прочелъ я, что въ свое время писалъ къ С. Д. Нечаеву митрополитъ Филаретъ: «Все тоскую я, видя, какъ мракъ сего просвѣщеннаго вѣка распространяется и незнаніе дѣлъ объемлетъ дѣловыхъ людей» (см. Богослов. Вѣстн. 1893 г. Февр. 323 стр.). А намъ, какъ не тосковать, видя, какой мракъ незнанія объемлетъ нынѣшнихъ «дѣловыхъ» людей, ученыхъ профессоровъ, которые, не познакомясь ни мало

со старообрядцами проповѣдуютъ новую постановку полемики съ ними, да кричатъ о своихъ открытіяхъ въ пользу двуперстія, не дорожа душевнымъ спасеніемъ немощныхъ людей, которымъ вмѣсто цѣлительнаго елея подаютъ отраву въ этихъ своихъ открытіяхъ. Подумали бы они, что сказалъ Господь о соблазнившемъ единаго отъ малыхъ сихъ (Матѳ. 18 гл., 6 ст).

К. Корегинъ.